

Состояния пространства

Поэтическая антология
авторов ЛПФ «Август» –
лауреатов краевых
литературных премий

Барнаул – 2008

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Т 46

*Книга издана при финансовой поддержке
Администрации Алтайского края
в рамках целевой программы
«Культура Алтайского края» на 2007–2010 годы*

Редакционно-издательская коллегия:

В. Е. Тихонов – редактор-составитель,
А. А. Карпов – художественный редактор,
О. В. Тихонова – технический редактор,
Т. И. Чертова – ответственная за выпуск.

Состояния пространства:

Т 46 поэтическая антология авторов ЛПФ «Август» –
лауреатов краевых литературных премий, –
Барнаул, 2008. – 312 с.

Издание поэтической антологии «Состояния пространства» посвящается 50-летию Союза писателей России (1958-2008 гг.) и 15-летию литературно-просветительского фонда «Август» (1992-2007 гг.).

В антологию вошли произведения авторов ЛПФ «Август», являющихся лауреатами краевых литературных премий.

ISBN

© Авторы ЛПФ «Август», 2008

ПРИЗНАНИЕ ТАЛАНТОВ

Широко известный в Алтайском крае литературный альманах «Август» отметил в 2007 году своё 15-летие. Это довольно значимый юбилей для издания подобного рода, издания, которое не имеет постоянных источников финансирования и целиком зависит от энергии, инициативности, а порой и просто везения его главного редактора и учредителя Валерия Евгеньевича Тихонова.

Первый номер альманаха вышел в свет в трудные 90-годы, когда книги алтайских писателей практически перестали издавать. Тем ценнее августовский почин. Изначально альманах представлял собой классическую книжную серию, где каждый номер посвящался творчеству одного поэта. Вот уже 5 лет «Август» официально именуется литературно-просветительским фондом. Думаю, что такое переименование справедливо, оно очень верно отражает позицию Валерия Тихонова. С самых первых лет «Августа» он не просто выпускал книги, но и постоянно занимался литературно-просветительской деятельностью – организацией и проведением творческих встреч. Только поэтических вечеров за последние 15 лет проведено более сотни.

Для него всегда были открыты двери Алтайской краевой универсальной научной библиотеки имени В. Я. Шишкова, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая, Алтайской краевой филармонии, университетов и Домов культуры города. На поэтических вечерах «Августа» не было свободных мест!

«Августовцы» выступали перед школьниками и студентами, перед призывниками на краевом сборном пункте и курсантами Барнаульского лётного училища... «Август» встречали в Бийске, Белокурихе, Заринске, Змеиногорске, Новоалтайске, Яровом и Славгороде, а также в сёлах нашего края. И всегда местные библиотеки получали в подарок от редакции комплекты книг «Августа».

Более 30 тысяч экземпляров книг «Августа» приобрели комитеты Администрации Алтайского края по культуре и туризму, по образованию – для библиотек края. 700 экземпляров книги «Поэты Алтая о Великой Отечественной войне» «Август» подарил военно-историческому отделу краеведческого музея, а тысячу экземпляров книги «К Василию Макаровичу Шукшину» – мемориальному музею-заповеднику в Сростках...

В 1995 году Валерий Тихонов за создание и продвижение «Августа» был удостоен премии Демидовского фонда в номинации «Общественная деятельность». В дальнейшем за активное участие в литературной и общественной жизни края он был отмечен дипломами и

грамотами глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также Благодарственными письмами от муниципальных комитетов по культуре, от руководителей школ, библиотек и музеев... С историей «Августа» можно познакомиться, например, в нашей библиотеке по подшивкам краевых газет тех лет – в них анонсы и рецензии на «августовские» книжки, а также репортажи о поэтических вечерах авторов «Августа».

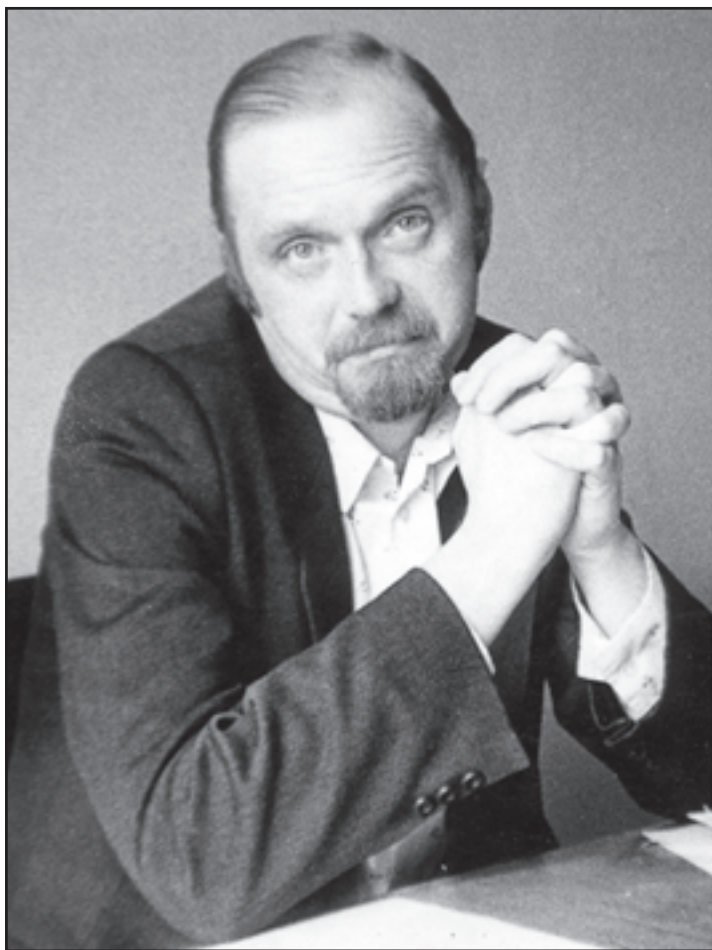
В разные годы восемь поэтических вечеров «Августа» с успехом прошли в Алтайской краевой библиотеке. Ценители поэзии запомнили переполненный зал Шишковки на выступлении Александра Ерёмченко.

Книгами алтайских писателей всегда интересуются читатели в библиотеках края. Поэтому в рамках краевой целевой программы «Культура Алтайского края» на 2007-2010 годы издана поэтическая антология по страницам «Августа», которая будет направлена в фонды городских и сельских библиотек края. Эта книга – своеобразный итог всего значительного, что сделано литературно-просветительским фондом «Август» для широкого общественного признания талантов Алтайского края.

Надеюсь, эта книга, уважаемый читатель, вам понравится, ведь в ней «бьётся пульс» современной поэзии Алтая. Давайте пожелаем «Августу» дальнейших успехов, новых интересных книг, достойных тиражей и больше молодых читателей!

*Тамара ЧЕРТОВА,
директор Алтайской краевой
универсальной научной библиотеки
имени В. Я. Шишкова.*

Борис КАПУСТИН

**РАЗГОВОР
С ДУШОЙ**

Борис Васильевич КАПУСТИН (12.02.1948 – 01.01.1997) родился в городе Ростове-на-Дону, но всю свою недолгую жизнь прожил в Барнауле, где в 1964 году окончил школу № 27 и учился (после службы в армии, которая прошла в Ленинграде) в Барнаульском государственном педагогическом институте на филологическом факультете...

Затем была журналистика – краевое радио и многотиражные газеты... Его стихотворения публиковались в краевой и центральной периодике, в коллективных сборниках... Он автор трёх поэтических книг: «Тайному другу» (1988 год – его сорокалетие!), за неё он – первый из поэтов Алтайского края! – получил краевую премию имени В. М. Шукшина; «Строгая зима» (1991 год), обе выпущены Алтайским книжным издательством; «Е. Б. Ж.» (1995 год, книжная серия «Август»).

В ноябре 1996 года «Август» организовал и провёл первый (!) и, увы, последний (!) творческий вечер поэта в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова... Впоследствии «Август» провёл несколько Вечеров его памяти.

Желающие могут познакомиться с большой подборкой воспоминаний о поэте Борисе Капустине, которая представлена в № 1 журнала «Барнаул» за 2003 год.

Ещё при жизни Борис Капустин был легендарной личностью... После смерти легенд прибавилось, а художественная высота творчества, пройдя глубинное испытание временем, упорчилась. Его знали, знают и продолжают узнавать новые читатели России.

В 2008 году ему исполнилось бы 60 лет.

ТРУБАЧИ

А трубачи у нас – что надо,
не трубы – души их звучат.
На гром рассветного парада
домохозяйки не ворчат.

Он не зависит от погоды,
он освещает всех подряд.
Здесь лейтенантские погоны
яснее маршальских горят.

А музыканты знают дело:
ликует марш! Едва дыша,
старательно и неумело
учебный взвод чеканит шаг.

Ах как же хочется при полном
параде влиться в этот мир!
И улыбается, припомнив
себя таким же, командир.

Не скрыть волненья, как впервые,
хотя пред ним из года в год
суровой и седой России
любовь и молодость идёт.

Он видит: в марше поколений
и суть, и спаянность одна.
Звучи светло и вдохновенно,
оркестр, связуя времена!

...Бывает – солнца не хватает,
бывает – мир оглох окрест, –
приди послушай, как играет
военной музыки оркестр!

ВОЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

В военных журналах не стихли бои,
доныне победа куётся:
приводят решенья и мненья свои
и планы свои полководцы.

Неважен теперь операций исход –
он общей Победой измерен.
А важно спасти батарею и взвод,
уменьшить людские потери,

единую душу живую вернуть –
стратегий и тактик издержку,
постигнуть свою и чужую вину,
вскормившую эту надежду.

Пуускай всесторонне подкованный ум,
вместивший и опыт, и знанья,
осудит плоды их трагических дум,
отвергнет пустые старанья.

Пуускай не дано им вернуть никого,
ошибок и бед не исправить –
они не отступятся от своего,
они отступиться не вправе.

Судьбой отвечая за каждый приказ,
бесстрашьем любви потряся,
из всех окружений выводят войска,
от всех поражений спасают.

ЗИМА В СИБИРИ

Зима в Сибири. Полдень крут.
Сквозит по белому зелёным.
Ах, голубым огнём калёным
дышать взахлёб, сжигая грудь!..

Зима в Сибири. Снег идёт.
Безмолвна синева ночная.
Густая пелена сплошная –
большая, мягкая, живая –
закружит, память заметёт...

Зима в Сибири. Кутерьма.
Разбойный свист. Тревожный окрик.
Сечь наледи и хлопьев мокрых,
да мутный свет в дрожащих окнах,
да оглушительная тьма...

Зима в Сибири. День за днём.
Во всей красе. Стократ воспета.
Невзрачным комельком согрета.
Пережита. Хотя б за это
февраль достойно помянём!

ДУЭТ

Диптих

1

– Отдай мне боль свою,
невзгод переплетенье –
щеглу ли, соловью –
не хрип от Бога – пень.

Так пой же, покуда живёшь,
сомненье тебе не пристало.
Но ты отвечаешь светло и устало:
– А разве без боли споёшь?

– Отдай любовь мою,
чреду напрасных мает –
щеглу ли, соловью
достаточно внимают.

Так пой же, покуда в крови
есть соль горлового металла.
Но ты отвечаешь светло и устало:
– А разве споёшь без любви?

– Возьми всё то, чем жив,
чем память наградила, –
лишь для твоей души
звнящих нот хватило б!

Так пой же, покуда живём,
сомненье тебе не пристало.
Но ты отвечаешь светло и устало:
– А разве споёшь о чужом?

Теперь, когда мы сделались чужими,
так ясно понимаю, святой Боже:
чем ты недостижимей, тем дороже,
и чем дороже, тем недостижимей.

Стократ грехи и промахи мы множим,
но платим большей частью за чужие:
чем ты дороже, тем недостижимей,
и чем недостижимей, тем дороже.

Как был я счастлив и неосторожен!
Как мы непостижимо свято жили!
Чем ты недостижимей, тем дороже,
и чем дороже, тем недостижимей!

Теперь, когда мы сделались чужими,
так ясно понимаю, святой Боже:
стократ грехи и промахи мы множим,
но платим большей частью за чужие.

...Как был я счастлив и неосторожен,
как мы непостижимо свято жили!

В ОКТЯБРЕ НА ЧАРЫШЕ

В октябре на Чарыше
в дождике унылом
смутно было на душе,
всё было немило.

Не впервой во пору ту
среди равнины голой
было солоно во рту –
словно кровь из горла.

И хотелось в небеса
вместе с чёрной птицей.
И хотелось, как леса,
в чёрный дёрн вцепиться.

Замереть, перегореть,
стать седой золою.
Дать душе переболеть
небом и землёю.

ПОРА ВЫРУБАТЬ ЦВЕТНИКИ

Улетели все птицы от нас,
все дрозды, журавли, коростели.
И холодные ветры тотчас
на безмолвной заре засвистели.

Сад дрожит в ожиданьи беды,
развороченный наполовину.
Лишь упрямые эти цветы
ярким цветом горят – георгины.

Подморожены их лепестки.
Стала чёрною зелень резная.
Всё. Пора вырубать цветники.
Надо клубни упрятать до мая.

Надо наискось срезать ножом
непокорные головы эти
и с почётom доставить их в дом –
пусть ещё хоть неделю посветят.

Пусть не измерены пяди во лбу –
дай твою руку.
Я посвящаю стихи и судьбу
тайному другу.

Пусть не отмолены злые грехи –
дай мне поруку.
Я посвящаю любовь и стихи
тайному другу.

Много нам может напортить судьба –
сдёрнуть подругу...
Я на скаку доверяю себя
тайному другу.

Били. Сторонкой, молчком прошагал
крестную муку.
Но никогда я не льстил и не лгал
тайному другу.

ДОЖДЬ В АВГУСТЕ

Вот беда! Подкатила неслышно
непогода к угольям жары.
Держит дерево быстрые вспышки,
как дитя – золотые шары.

Закипают и пенятся лужи,
бродит птица в проёме окна.
Безупречное полукружье
проступает, как явь после сна.

И оранжевый, синий, багряный,
в белой пене стремительных вод,
в распрекрасные дальние страны
пароходик бумажный плывёт.

МОЛИТВА СОЛДАТА

И автор забыт, и рассыпан набор,
и книжечка та подевалась куда-то.
Но с давних и смутных теперь уже пор
занозою в сердце – «Молитва солдата».

Он в прусскую службу обманом попал.
Над ним измывались наёмные люди.
Стрелял он в обидчика. Метко стрелял.
И вот помирает в земле, что не любит.

И он перед казнью в овраге глухом,
в чужбине проклятой, в минуты лихие
пред русским усталым посольским попом
творит покаянье. Не Богу – России.

– О, мать Россия, – он шепчет, – прости
за душу чужую, за кровь человечью.
Помилуй, что, грешник, не смог приползти
к тебе на последнюю страшную встречу,

за то, что чужим языком говорил,
пустую погибель себе натворил,
ни пользы тебе не принёс, ни вреда.
Прости и прощай навсегда.

...Его закопали в овраге глухом,
и войско прогнали, и землю сравняли.
И русский священник злещёным крестом
трикрат осенил иноземные дали.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

...а так как они не пришли
и домом им стала война,
мы всюду огни разожгли,
чтоб высветить их имена,

чтоб слабые эти огни
мелькнули в их смутных глазах
и чтобы согрелись они
на чёрных студёных полях.

А к знающим наверняка,
что им не согреться уже,
такая стучится тоска,
такая погибель душе!..

СНЕГИРИ

Диптих

1

Может быть, он мне просто приснился –
тот рассвета февральского дым,
в час, когда соловей разразился
италийским бельканто своим?

Нет, не сон, а реальный до зноби,
до смешного обычный рассвет.
Закопчённое солнце в сугробе,
сизой набережной парапет.

Мудрено ли тоской заразиться
от чахоточной этой зари?
Прилетев на окошко кормиться,
так сказали друзья-снегири:

«О, за каждую крошечку драться,
как бы низко ни падала ртуть!»
...Мы ещё почирикаем, братцы!
Ничего, что багряная грудь.

Снова грянул снег
в первый раз.
И душа болит
о былом.

Начинай дышать
про запас
с неба выпавшим
серебром.

Начинай глядеть в декабри,
примерять тоску январей...
Начинай вставать до зари,
научись кормить снегирей!

ГОСПИТАЛЬ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ. НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1985 ГОДА

В мешковатых форменных
байковых халатах –
грозной Красной Армии
старые солдаты.

В клумбах растопырены
толстые пионы.
Полночь. Двадцать первого.
Городские звоны.

Вспышки электричества.
Выхлопов раскаты.
В госпитальном садике
старые солдаты.

Курево запретное –
общие запасы.
Общие смертельные
первые фугасы.

Мы бы спели песенку –
голоса немые.
Нам бы к славе лесенку –
рукава пустые.

Нынче бы по чарочке...
Да мертвы ребята,
с кем свечи огарочек
польхал когда-то.

Е. Антонову

Когда друзья мои – художники –
сквозную рошу посетят,
поставят осень на треножки
и нарисуют листопад,
ольху, берёзки угловатые,
большую воду и вдали
размытый контур элеватора,
песок и лодки на мели...
Когда они упрячут в ящики
свой серебристо-серый свет,
придут настырные заказчики
для предварительных бесед...
Подбив итоги обсуждения,
вздохнут, затылки поскребут
и все свои приобретения
под первым снегом погребут.

Странная выставка эта –
заводи, водоворот.
Тысяча, что ли, портретов
смотрит на праздный народ.

Важно и молча – взирают.
Гневно и грустно – глядят.
По Эрмитажу гуляет,
пряжкой сияя, солдат.

Всё-таки чуть грустновато
в зримости грубой своей –
среди мертвецов бородатых,
в призрачном обществе фей.

Всё-таки тянет к живому...
Но возле самой двери
вдруг улыбнулась знакомо
мадемуазель Самари.

Встретила, остановила,
светом наполнила зал.
Что она там говорила?
Что он там ей отвечал?

Мимо скользнёт молчаливо
кто-то, лукавством дыша:
ишь ты – парижское диво!
Надо ж – родная душа...

ФЕВРАЛЬСКОЕ УТРО

Утренних строчек горечь.
Где ты пропал, рассвет?
Вьюгу не переспоришь.
Вьюге указа нет.

Загохотала крыша.
Отозвалось стекло.
Судорогой затишье
ветки в саду свело.

Всплеск ледяного ветра.
Прежняя кутерьма.
Скрыло лицо рассвета
мечущаяся тьма.

Грохотом ржавой жести
глушит его слова.
Но между тем известья
передаёт Москва.

Но за окном мальчишка
мчится что хватит сил.
Он рукава пальтишка
в крылья преобразил

и над землёй, одетой
в стылый седой гранит,
верным гонцом рассвета,
осатанев, летит!

ВОДОЛЕЙ

Середь ночи пёс завоюет,
озверев от сторожбы, -
морду узкую поднимет
к звёздам будущей судьбы...

Горло перегрызть готов
за созвездье Гончих Псов!

Середь ночи, сожалея
о беспутстве февралей,
буду верить по-собачьи
в свой опасный Водолей.

Ох как зябко на Земле!..
Пушкин
умер
в феврале.

К БЕРЕГУ ТОЙ ЖЕ РЕКИ

...Но зачарованно я прихожу
к берегу той же реки.

Как надоел этот сумрачный плёс,
ивы нагие,
 слепающий откос,
дождь, от которого сдохнешь с тоски.
Но прихожу я, ослепший от слёз,
к берегу той же реки.

К дьяволу!..
К Богу!..
Устал, изнемог,
бедную душу закрыл на замок.
Снова сентябрь.
И травы горьки.
Полноте! Более я не ходок
к берегу этой реки.

Словно пятнаемый бешенством пёс,
запах преследуя,
 мчусь под откос.
Проблескам разума вопреки
прыгаю
 из-под свистящих
 колёс
на берег той же реки.

Эта река – вольна, холодна.
Чистая. Камушки видно со дна.
До роковой милосердной руки
плыть, забывая друзей имена,
с водами
 этой
 реки.

КУЛУНДИНСКАЯ БАЛЛАДА

Я написал стихи о Ленинграде
(как написал, о том судить не мне).
Читаю их на крохотной эстраде
в сибирской нашей вьюжной стороне.

Глядят уныло, слушают вполуха.
Скорей бы выйти. Жидкие хлопки.
Закашлялась какая-то старуха.
Задвигались у входа мужики.

Молоденький инструктор из райкома
толкует с бригадиром о весне.
Всё как всегда. Обжито и знакомо.
Но вдруг – старик. И прямиком – ко мне.

Подходит. Смотрит как-то виновато.
Окурок мнёт в коричневой руке
и говорит: «Сынок, так это ж правда, –
я умирал на Невском пяточке.

Они, быть может, сказка для кого-то,
о них мы в праздник песенку споём,
но я-то эти чёртовы болота
прополз под перекрёстным артогнём!..»

Ушёл старик, прихрамывая, горбясь,
в метельный временной круговорот...
Моя тревога вечная и совесть –
седой сержант Синявинских болот.

Сколько их – покалеченных судеб,
горьких послевоенных утрат,
тех бездумных грехов, – пусть рассудят,
пусть казнят – кто в могилах лежат.

Пусть любимые из невозвратных,
затуманенных далей своих
поглядят не на снимок парадный –
на обыденный серенький миг.

Не на строгий порядок армейский,
уставной целомудренный быт –
на расплывчатый кадрик житейский,
что к ободранной стенке прибит.

Что поделать? Живое – к живому.
Не от слёз ли размокла тропа?
...Рассудила судьба по-иному,
по-другому решила судьба.

Разве мёртвые стали святыми?
Разве память салюты сожгли?
И глядели глазами сухими
неподкупные судьи из мглы.

Понимали они. И прощали.
Только глаз не могли отвести.
И живые в подушки кричали
не имевшее смысла «прости!».

ЭКЛОГА

Поэт – плохой хранитель правды,
она всегда в его стихах.
Черёд событий перепутан.
Стыдливости неведом страх.

Строка диктует настроенье.
Любовь кончается строкой.
Иной блюститель ужаснётся!
Храни, Господь, его покой.

Нагая, стыдная природа
к познанию пригвождена –
и лес, и бездна небосвода,
и вся Вселенная сама...

Соседа сделаю героем
и дам фамилию Иванов.

Он целый день сидит в квартире
и вышивает по канве.
О нет, не пышные букеты,
не кошечек и не щенков –
вождей и маршалов портреты
из пожелтевших «Огоньков».

Читатель может удивиться.
Я предъявить ему готов
разбитые на клетки лица
с обозначением цветов:
они у мамы четверть века
в альбоме плюшевом лежат
среди фотокарточек заветных
убитых и живых солдат.

Степан Петрович вышивает
на пальцах умершей жены
и, чуть фальшивя, напевает
про быстрокрылые челны,
про коногона и тальянку...
А коли на сердце беда,
тогда – бессмертную «Землянку».
«Землянку»!.. Что ж ещё тогда.

ПЕСЕНКА О НОЧНОМ ЗВОНКЕ

Станиславу Яненко

Снег сыпучий. Ветра вой.
Колокольчик ледяной.
Запоздалый долгий звон.
Неурочный телефон.

А кому? Тебе и мне,
посторонним лицам,
всей заснеженной стране
и её столице.

А зачем? Не просто так
в давней той метели
надрывался он, чудак.
Слушать не хотели.

Ну и что? Не дай нам Бог
позабыть про это –
как он горестно замолк,
чистый, без ответа.

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

– Чего ты, дурочка, болишь
среди разгара красных дней,
пророчествуя глушь и тишь
и рвань с веригами под ней?

– В разгар веселья твоего
и мне бы надо захмелеть.
Почём я знаю, для чего
я предназначена болеть?

И что я есть? Какая вещь?
Не атом – атомова тень,
из убегающих небес
прикрывшая твой краткий день.

О, мгlistый холод, звёздный крик,
но – эхо вавилонских рек,
тебя потрясшее на миг,
меня забравшее навек.

...Какая умница душа!
Когда везение бурлит
и жизнь бездумно хороша –
она возьмёт и заболит.

РОЖДЕСТВО

И прикрыла Мария
клоком сена Тебя,
и она говорила,
над тобою скорбя:

– Знаю оморочь Сада,
вижу кровь на челе,
знаю, Господи, надо,
но оставь на земле.

Неужели не время?
Неужели пора?
...Но звезда Вифлеема
стала в угол двора.

И уже было поздно.
И уже было зря.
Неотступно и грозно
шли по ней три царя.

И недельная тёлка
заводила глаза.
...И горячая долго
катилась слеза.

ПЕРЕД МОНГОЛАМИ

Уже из глухого урочья
опасные, как полыньи,
раскосые зарятся очи
на главы златые твои.

Уж силы не счесть оголтелой!
И не отвратить. Не сберечь
княгинино белое тело,
весёлую жлобскую речь.

А, чтоб вам!.. Пируйте, гуляйте,
играйте, покуда игра,
булат, похмелясь, закаляйте...
Булат не поможет с утра,

когда в полшестого – на зорьке –
шарахнут и поволокут!
Так вздрогнет Россия, что только
века как дымы проплывут...

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Памяти Геннадия Панова

Пока омертвелой душою
не понял погибель твою,
старухе с венчальной косою
фальшивые оды пою.
Авось она, глупая баба,
обкосит мой редкий рядок –
на горькое горе хотя бы,
на кривду острожных дорог.

Всего-то полвздоха прошу я,
сомненьями полузабит.
И злыдню слагаю ошую,
одесную – совесть сидит.
Всего-то полвздоха, полмига –
где Мойка и Спас на крови...
Ещё не дописана книга
о юности и о любви.

Безмолвствуют обе: «Теряешь
Подобье и Образ во лжи,
воистину цену не знаешь
своей омертвелой души.
А дадено будет – что толку! –
снесёшь дармовщинку в кабак.
Просил бы китайского шёлку –
прикрыть домовину, дурак.

Зачем тебе это юродство,
ребячая эта игра.
Тебе от лихого сиротства
домой торопиться пора...»
Вот тут у загаженной стенки
старухиной чёрной избы
я плюнул в стеклянные zenки –
в проклятые очи судьбы.

Вот тут наберу я дыханья
на матушкин голос родной,
на голое правды незнанье,
на скорую встречу с тобой.

В ТАКУЮ-ТО НОЧЬ...

В такую-то ночь и работать стихи,
да злые-то, господи, злые какие,
как непогодь!
Чтобы из каждой строки
рвались сумасшедшие ветры морские –
солёные, влажные.
Чтобы озноб
суставы корёжил, чтоб губы белели
от бешенства или беспамятства, чтоб
страницы тетради желтели и тлели –
в такую-то ночь!..
А трамваи бренчат
по марту.

Он льдом взбаламученным рвётся,
охрипшим оратором рубит с плеча –
к расстрелу!

В деталях потом разберётся –
кто прав, кто виновен..

Сегодня права
весна – окаянная, глупая баба,
орушая за полночь злые слова –
приказы разломом грозящего штаба.
В такую-то ночь и работать стихи!

Когда в город врывается стадо
разъярённых машин и когда,
уцепившись за провода,
роженицей поёт автострада,

в этот час в полутьме, в полусне
застывает смола на сосне.

Миллионы будильников разом
ошалело горланят рассвет,
время утренних сигарет,
время электроплиток и газа.

В этот час в полутьме, в полусне
застывает смола на сосне.

Этот век на минуты разъят,
этот день на секунды расчерчен.
Богородица – циферблат,
как же страшен твой лик. Как доверчив!..

Между тем в полутьме, в полусне
застывает смола на сосне.

Мы с тобой не ходили туда,
хоть ни разу не знали преграды.
Это к лучшему. И не надо.
Люди, может быть, плачут, когда

всё, что в них, и в тебе, и во мне,
застывает смолой на сосне.

НАДПИСЬ НА ПРОГРАММКЕ КОНЦЕРТА ВЕРЫ ЛОТАР-ШЕВЧЕНКО

Не размышляя о добре,
на проклятой эстраде
Лотар играет в октябре
в туманном Ленинграде.

Лотар играет, убежав
от неминуемой смерти.
Звучит бессмертная душа
в Бетховенском концерте:

«Да, очень просто нас сгубить!
Но, милые, не верьте
тому, что можно нас купить
пусть даже за бессмертье.

Продать нас – пара пустяков.
А после сделки этой
во искупление грехов –
купить на нас билеты».

РОДИНА – РОССИЯ

Диптих

1

Ветер гудит в небесах.
Ранняя близится мгла.
В низких сквозных облаках
птичьи мелькают тела.

Молча костёр ворошить
(листья свисают в огне).
Осень светло пережить
с Родиной наедине.

2

От романтических начал
так мало прока.
Я лет в шестнадцать по ночам
о крыльях огненных мечтал –
как у Пророка.

Чужого, стылого огня
душа просила.
А за спиною у меня,
и окрыляя, и храня,
была – Россия.

Наталья НИКОЛЕНКОВА

**ДАВАЙТЕ СМОТРЕТЬ
ДРУГ НА ДРУГА**

Наталья Михайловна НИКОЛЕНКОВА родилась 2 февраля 1964 года в Барнауле.

Училась на филологическом факультете Алтайского государственного университета.

Стихи публиковались в краевой, региональной и центральной периодике, а также в коллективных сборниках с середины 80-х годов.

Автор трёх книг стихотворений, изданных в Барнауле: «Чтобы встретиться» (Алтайское книжное издательство, 1987 г.), «Девятое марта» (авторский альманах «Август», 1993 г.), «Карманная психиатрия» (2002 г.).

Лауреат премии Демидовского фонда в номинации «Литература» (1997 г.) за книгу «Девятое марта».

Работает телерадиожурналистом.

Живёт в Барнауле.

ПРОГУЛКА

Я чувствую, ничто, ничто не поздно.
Давай бродить вдвоём и налегке!
Ведь зелен мир, и бесконечен воздух,
И синий лес – как горы вдалеке.

Такого солнца не было ни разу,
И карусель раскрашена пестро,
И на базаре весело и праздно,
И запах детства берedit нутро.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

Когда мы обучались в средней школе,
Всё было восхитительно легко.
Прогноз погоды радовал до боли,
Любой прохожий был хорош лицом.

Здоровы были лёгкие и печень,
И каждый поступал, как он хотел.
Уроки отвлекали, но не очень,
От книг, любви и прочих важных дел.

Нам разрешалось скучные конспекты
В мороженице утренней читать,
Кричал петух на Ленинском проспекте,
И дважды два всегда бывало пять.

Рубля на развлечения хватало,
По лужам можно было босиком.
И «двадцать лет» звучало словно «старость»,
А что там завтра – и не знал никто.

Когда мы обучались в средней школе...
Ах, нет прекрасней социальной роли!

МОРОЗ

У всех прохожих щёки ноют,
Звонят стеклянные коленки.
У воробья замерзли ноги,
Он греет их попеременке.

Снега свежеют ежедневно,
Без передышки выпадая.
Любая женщина – царевна,
Румяная и молодая.

И городской пейзаж прекрасен
Возле бессонного вокзала.
И Новый год – любимый праздник,
Всё обещающий сначала.

ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ

Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.

Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.

Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь.

ДОЖДЬ

Дождь залетает прямо в грудь,
Не разбирая направленья.
Скорей сбежать, скорей уснуть,
Запятав голову в колени!

Чтоб не видать, как, прям и тош,
Никем в толпе не замечаем
И длиннонос, как этот дождь,
Шагает человек печальный.

А горло разрывает стих:
Рвануться, рядом быть подольше!
Но люди любят только тех,
Кто им, как в зеркале, подобен.

И чтобы полюбить посметь
Такого вот, с длиннющим носом, –
Ах, надо и самой иметь
Длиннющий, словно папироса.

ОСЕНЬ

Я видела, как загорается сердце
В ночном фонаре, в одинокой груди.
Я видела, как умирает желанье
В гниющих прожилках опавшей листвы.
Я видела, как серебрится улыбка
На лицах дождя, разрывающих ночь.

МАЙ

Как хорошо по свету странствовать,
Немного денег подзаяв!
Шофёры городского транспорта
Оглядывались на меня.

И кровь натягивалась в шелесте,
И солнце било по щеке.
Все счастливы, все сумасшедшие,
Как голуби на чердаке...

Все пальцы сцеплены тюльпанами,
Везде – горячий красный цвет,
Везде – весна, везде – Испания,
Везде – безумный майский ветер.

А ночью так свежо и холодно,
Что пробирает до нутра.
В груди у каждого прохожего
Зияет чёрная дыра.

Марине Брискиной

Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно-постыдно,
Что истончилась радостная жизнь,
Как лепесток цветка в старинной книге,
Что будет прежним – жди или не жди –
Рассвет декабрьский, пасмурный и дикий,
Что музыка терзает, как паук,
Что нет от чуждых запахов спасенья,
Что в понедельник исчезает вдруг
Всё то, о чем мечтала в воскресенье,
Что свет горит лишь для того, кто зряч,
Что теплота – не физика, но тайна,
Что разница удач и неудач
На слог «да» бледнеет моментально...
Как этот город ласково горяч!
Как эта темнота сентиментальна!

ВЕЧНА

Под ногами – дерьмо и Венеция,
В голове – васильки и Флоренция.
Мы гуляем по тёмным дворам,
Равнодушные к звёздным мирам.

То ли среднее, то ли вековье,
То ли просто пустые холмы.
Пахнет летом невнятная специя
Прогоревшей сибирской зимы.

Я сижу на зелёной траве,
У меня облака в голове,
У меня золотые волосы,
У меня на запястьях полосы.

Я сижу на зелёной земле.
И понятно, что дело к зиме –
Но какая-то птица вверху
Обещает ку-ку да ку-ку...

Давайте смотреть друг на друга,
Давайте поставим чай.
Ведь выхода нет у круга
И цели нет у луча.

Я Вам, как супруга супругу,
Отдам большой бутерброд.
Давайте любить друг друга,
Пока бомбёжка идёт.

Что-то сердце болеть начинает.
Что-то номер не отвечает.
Что-то муж головой качает,
Не подносит мне спичку, злодей.

Я пойду в темноте прогуляться –
Ничего, что домашние злятся, –
Я дойду до конца декораций
И увижу картонных людей.

Здравствуй, прощай или что-то ещё.
Впрочем, другого не существует.
Ты говоришь, что время пошло.
Время прошло – это кто-то блефует.

Мёрзнет на небе комета хвостатая.
Девушки ходят гордо, как статуи.

Дятел сосну ковыряет в лесу –
Хрупкий ударник, смешной одиночка.
Тайную радость несущая на весу,
Горькую, как тополиная почка.

– Мёрзнет ли Бог? – ребёнок спросил.
Но отвечать уже не было сил.

Я опишу сто оттенков тоски,
Я перейду на легчайшую прозу.
Смелые вымыслы будут тонки,
Будут отточены смелые позы.

Мёрзнут ладони, глаза не горят.
Дети растут, кометы летят.

Женщина бутылочку откроет
И закурит свой «Булгартабак».
Ей всё можно: родила героя,
А её возлюбленный – дурак.

Женщина пластиночку поставит,
Вспомнит, расхохочется, всплакнёт.
И никто её не остановит,
Не обломит и не упрекнёт.

Женщину в глубокий сон роняет
С высоты кромешной темноты.
И никто её не догоняет,
И ей снятся птицы и цветы.

Есть грустные фильмы с весёлым концом,
Есть милые люди с несчастным лицом –
Но в чёрном желудке январского неба
Уже не рассмотришь, кто был подлецом,

А кто – Белоснежкой и Питером Пэном.
Размазаны наши печали по стенам,
А сверху написано красным коряво:
«Я Васю люблю» и «Nirvana – forever!».

Сдавайте бутылки, прошло Рождество!
Никто и не помнит уже ничего.
И только девчонки из детского сада
Ещё веселятся внутри снегопада,

И только собаки от снега шалеют,
И только ослы ни о чём не жалеют,
И только следы на снегу остаются
Для тех, кто однажды захочет вернуться.

Вытягиваю руки вверх,
Как одинокие деревья,
А музыка, минуя свет,
Просачивается в коренья.

Во глубине заповших щёк
Улыбку прячу, прячу, прячу...
Я выпью февраля глоток
И от бессилия заплачу.

Неправда, что душа слепа
И что вампир умрет от света.
«Прощай!» – и подпись: «Я, слегка
окостеневшая от ветра».

Когда слово становится салом,
И дымит алкоголь над бокалом,
И от страха железо во рту,
И октябрь начинает войну,

Когда плоть равнодушнее платья
И забыты движенья объятья,
Когда кофе не пахнет ничем
И душа разучилась мечте –

Выходи, выходи из квартиры
В пустоту ледяного эфира,
Листопадов, дождей, сквозняков,
В одиночество без дураков.

Жизнь, конечно, грязная вещица,
И не стоит так переживать.
Просто не забудьте научиться
В океан с «Титаника» плевать.

Не заснимешь ангела на плёнку,
Не поймашь музыку в ладонь,
Не увидишь в старике ребёнка,
Не отыщешь город под водой.

Но – тебя на музыку поймают
Тот, кто ничего не понимает,
Тот, кто в этом городе живёт
И ворота на ночь запирает.

Я от ненужных дружб, как от больниц, устала.
Смотри на мир, дурак, оттаяло окно.
Смеются зеркала, летают одеяла,
Все лица королей сливаются в одно.

Друзья – колода карт, разбитая колода.
Опять одна? Не плачь, до свадьбы заживёт.
И только пошляки шепнут: «Чего угодно?..»
И только дама пик, оскалась, подмигнёт.

Люблю тюльпаны – за то, что губы в крови,
Люблю тюльпаны – за память прошлой любви,
За то, что шея тонка,
Что пьётся по полглотка,
За жёлто-чёрную глубину,
За слабый жест: приголубь!

Люблю тюльпаны – за то, что упруго-нежны,
Люблю тюльпаны – за то, что не для жены,
За то, что в ладонь беру,
За то, что умрут к утру,
За то, что по нашим рукам
Как ток проходил тюльпан.

Тюльпаны в больнице – как дети в борделе,
Попытка души в обессиленном теле,
И ангел влетает, сырой от капели,
И мама, и Ганс Христиан у постели.

Прощай, моя любовь! Такое солнце,
Что город стал песочными часами
И каждые глаза припорошило
Калёной струйкой жёлтого песка.
Троллейбусы сопят, исходят потом,
И толстые мороженщицы тают,
Отсчитывая липкие копейки
За свой волшебный, золушкин, товар.

Прощай, моя любовь! Куда податься?
«Под шпилем» – злая очередь за соком,
В кофейне – тарарам, поскольку лето,
Каникулы, безделье и жара.
И – жажда, жажда – пересохла глотка.
(Но как сегодня женщины красивы!
Смотри, вон та, в короткой красной юбке...
Как бабочки, как выставка цветов.)

Прощай, моя любовь! Пройдём базаром,
Спасёмся от жары в кинотеатре.
Последняя, последняя прогулка –
И это солнце, плавающее лоб...
Ты купишь мне букетик на Октябрьской –
Немного жалкий, вялый, полумёртвый, –
И поглядишь от зноя томным взглядом,
И будешь яростно ловить такси.

Прощай, моя любовь! В такое время
Сказать «прощай» невыносимо трудно.
Уж лучше – в октябре, с листом последним,
Под флейту тонконового дождя...

Не знаю, от чего аминазин, –
Но ненавижу рыбный магазин,
Ведерный кофе, суррогаты слов,
Хамелеонов, кобелей, ослов,
Сибирские морозы, хруст костей,
Ночных, в окно влегающих гостей.
Будильника садистские звонки,
Любви и дружбы мелкие глотки,
Зелёную одежду, беляши
И бредни о спасении души.

Если друзья не звонят, даже зная, что я – мертва,
Если друзья не пишут длинных любовных писем, –
Значит, все кончилось, кончилось, как трава,
Как вороха в октябре подождённых дворником листьев.

Замкнутые системы, неприкаянность всех мастей,
Бродим по Барнаулу, не совпадая, – но рядом.
Можно купить алкоголя, можно созвать гостей,
Можно устроить пир во время СПИДа и спада.

Даже смешав свою кровь,
 мы не скажем друг другу «брат»,
Врозь – по девятке кругов,
 врозь – по кольцу Зодиака.

Я никого не хочу.
Я люблю всех подряд.
Я никого не смогу полюбить
Сильней, чем свою собаку.

Мне в город, где Андрон кричит: «Привет!» –
И скалится так панковски красиво,
Где каждый озабочен: сигарет
Стрельнуть, достать денюжат, одежду, ксиву,

Мне в город, где художник с бородой
Желает прокатиться автостопом
До Южного, до кабака с едой,
А то и по Австралиям-Европам,

Мне в город, где под хиппи Клим косит
(Хотя у хиппи не водилось денег),
Где до сих пор не обнаружен СПИД
(А впрочем – хиппи, ежели бездельник),

Мне в город, где поэты свечи жгут,
Насилуют гитары (Саша Чёрный),
Где служат, или ходят в институт,
Или видюшник смотрят увлечённо,

Мне в город, где у каждого – дела,
Аквариумы, акварель, интрижки,
Жена ушла, невеста родила,
Коты и мышки, книжки и сберкнижки,

Мне в этот город, где декабрь плюёт,
Как мартовский апрель, слюной и грязью, –
Закрит, заказан, неизвестен вход.
И только выход ясен.
Выход – ясен.

Когда полынью пахнет день,
Полынью жгут воспоминанья
И распускается мигрень
Цветком латинского названья,
Когда твоя любовь скучна
Для окружающих созданий,
Январь, как ранняя весна,
Пьянит и требует рыданий,
Когда семнадцатым числом
Помечен день невинной пьянки
И сердце бьётся мотыльком
Внутри эфирной склянки –
Пойми, что музыка слышна
В любой тоске, в любой полыни.
И расправляется душа,
Неуязвимая отныне.

Сергей КЛЮШНИКОВ

**ПОГОВОРИМ
О СТРАННОСТЯХ...**

Сергей Евгеньевич КЛЮШНИКОВ родился 4 октября 1955 года в селе Зудилове Первомайского района Алтайского края. Отслужив в армии, некоторое время жил в Приморье. Работал на рыболовном флоте, заводах и стройках Новоалтайска и Барнаула...

Окончил три курса Литературного института им. М. Горького (семинары поэтов Е. Исаева, Э. Балашова, Н. Старшинова). В настоящее время сотрудничает в журналами «Барнаул» и «Встреча». В краевой и центральной периодике, в коллективных сборниках и антологиях публикуется с середины 70-х годов XX века.

Он автор пяти поэтических книг: «Противоречия» (Алт. кн. изд-во, 1989 г., 80 стр., две тысячи экз.), «Противоречия во всём» (авторский альманах «Август», 1993 г., 66 стр., пять тысяч экз.), «Без противоречий» (КОМБИ-ПРИНТ, 1999 г., 24 стр., пятьсот экз.), «Противоречия – опять и снова» (ОАО «Алт. полиграф. комбинат», 2001 г., 64 стр., тысяча экз.) и «Где стык веков, там слом противоречий» (АКУНБ им. В. Я. Шишкова, 2007 г., тысяча экз.).

Лауреат краевой премии имени Леонида Мерзликина (2001 г.), премии журнала «Барнаул» в номинации «Поэзия» (2005 г.) и премии имени Николая Черкасова (2008 г.).

Член Союза писателей России с 1994 года.

Живёт в Барнауле.

I.

Поговорим о странностях любви,
Пока ещё мы странностями живы
И не довлеют судные мотивы
Меж небом и случайными людьми.
Поговорим о странностях... Любовь
Былого откровения боится.
И, трезвая, чернеет наша кровь
Под небом, от которого не скрыться.

Кому же ты ещё нужна,
Непререкаемая, злая?
Кому же ты ещё нужна,
Ручная, добрая, лесная?
Кому ты вверишь эти дни,
Непредсказуемые, злые?
Какой немислимой родни
Захочешь в сумерки больные?
Былая клятвенность – не в счёт,
Но слово музыкой хранимо.
И не уйдёт, и не умрёт
Моё зачёркнутое имя.

Ты во всём безупречно права,
Но на искренность взвинчены цены.
Как я вычеркну эти слова,
Если им не придумать замену?
Снова музыка нас привела
Под небес монастырские своды.
Как я вычеркну эти дела
Накануне крутой непогоды?
Под бубенчик хохочет беда,
И бедой откровение дышит.
Как я вычеркну эти года,
Если горечь оправдана свыше?

Ещё не распустились листья,
Но листопад не за горами.
И я бегу воспоминаний,
И не хочу любви навыворот,
А чтобы – сразу, до потери
Рассудка, времени, сознания,
И завтра – корчиться от боли
И вышивать по листопаду
Слова больного откровенья:
«Ещё не распустились листья».

В минуту ностальгического криза
Два голубя срываются с карниза,
Два сизых – и простуженная мгла
В четыре опрокинутых крыла.
В минуту неприкаянной печали
Две лодки убегают от причала,
Две сцепленных – и призрачный покой
Забыт уже взволнованной рекой.
В минуту отчуждения и бреда
Два голоса, две истины, два следа
Сливаются в один ненужный след.
Сегодня.
И потом.
На много лет.

Я не хочу позапрошлых замет.
Плачет в тебе неразгаданный певчий.
И потихонечку сходит на нет
Тёмная музыка противоречий.
Но откровения – наверняка
Мимо вопросов, молчаньем распятых.
И между нами играет река,
Вся в перекатах, вся в перекатах.

О чём же мы? А, право, ни о чём.
И шёпотом, и вслух, и молчаливо
Такую окоlesiцу несём,
Такую окоlesiцу – на диво!
А можно объясниться в двух словах,
Но, к ужасу, в любое время года
Мы говорим на разных языках,
Которые не знают перевода.

Рассвет – откровенно страшный,
Закат – на моей крови.
Верни меня в день вчерашний,
Безоблачный день любви.
Сегодня меня осудит
Голодная, злая плоть.
А завтра такое будет –
Не приведи Господь!

В моё раскрытое окно –
Свободный доступ холодам.
Живу склоняемый давно
По всем обидным падежам.
Потом упрочится молва
На безупречной высоте.
И я пойму, как ты права
В своей святой неправоте.

Никакому сомнению в угоду
Не сумеешь черту провести,
Если даже в стоячую воду
Не сумеешь два раза войти.
Это вовсе не ново, не ново,
Но в сумятице медленных дней
Да испробует нежное слово
Разрушительной силы моей.
И с какою бы страстью я не был
Отчуждён отмечен в раю,
Да расколется пылкое небо
На две части: твою и мою.

Да, ни в чём ошибаться не хочется:
Ни в закатном, ни в завтрашнем дне,
Даже если твоё одиночество
Растворится во мне.
И не сбудется всё, что пророчится,
А сомненья – уже ни при чём,
Даже если моё одиночество
Задохнётся в твоём.

Евгению

Смотрится осень портняжкой,
Шьёт по листве до зари.
Осень сладит облепихой,
И мои августы тихо
Входят в твои сентябри.
Шорохи да светотени,
Над непокоем – покой.
Я восхожу на ступени
И преклоняю колени
Перед твоей красотой.

АКРОСТИХ

Жёлтое поле – да в белом снегу!
Если помыслить небесною болью,
Надо прильнуть к твоему изголовью,
Еле дыша прошептать: «Не могу
Чуду поверить...» – и нежно коснуться
Кожи твоей, и уйти, и вернуться,
Ангелу вверяясь – на том берегу.
Я вспоминаю опять и опять
Тёмные речи о светлом покое.
Если бы выдумать что-то такое
Без оправданий – и вслух прочитая.
Я не умею роскошно жалеть
Лето, которого нет и в помине.
Юная осень состарилась ныне
Без угрызений. И надо допеть
Лучшую песенку – после дождя
Юную зиму встречать выходя.

Евгению

Опять – с листа, без оправданий,
Без покаянного стыда.
Ты для меня – вне описаний,
Вне опасений, вне суда.
Пусть откровенные капли
Не скоро вслух заговорят...
Ещё грачи не прилетели,
Ещё скворцы не голоса...
Ещё метель без колебаний
Шрапнелью бьёт по небесам...
Но ты во мне вне описаний
И вне призыва к чудесам.
...Ещё подснежники – под снегом.

Я образ твой вплетаю в образа,
Когда в смиренность верится не очень.
Лицом к лицу – распахнуты глаза,
И в них дымится северная осень.
И даже если жизнь – заподлицо,
Я всю тебя приемлю, без изъятий.
И всё сильнее хочется в кольцо
Твоих объятий и твоих проклятий.

II.

Хватку волчью, повадку волчью
Перенять бы, да всё невмочь.
Будут вороны каркать ночью,
Будет вороном каркать ночь.
И за всхлипами сада, снега
Чем нас встретит ночной побег?
Будет ночь лишена ночлега,
Будет ночи лишён ночлег.
Вот и всё. Перелётной высью
Заболеть бы... Да что за высь,
Если жизнь сторонится смысла,
Если жизни не знает смысл!

Полоса не полоса,
Но который год
Взяты наши голоса
В хриплый оборот.
Новый ветер заразил
Жаждой перемен,
Но предел душевных сил –
За пределом цен.
Я не знаю, что и как
Навсегда забыть,
Чтобы жить среди собак,
Но по-волчьи выть.

Мне каждый миг – последний,
Но кончились права.
Мой волчий, мой победный
Не знает торжества.
И если между нами
Натянутся флажки,
Я буду в волчьей яме
Оттачивать прыжки.
А ты без предисловий
Трави меня, трави
За тёмный запах крови
И сумерки любви.

Всей суровости – нежность в подмогу,
Все законы – длиною в судьбу.
Выхожу на большую дорогу –
И сбиваюсь на волчью тропу.
Слову – больно. И кровь – не накрапом.
Буду связан до кончиков дней
По рукам, по ногам и по лапам
Несогласной любовью твоей.

Хотело небо ясным быть,
Но прохудилось.
Я не хотел по-волчьи выть,
Но приходилось.
Былых обид не сосчитать,
День станет ночью.
И я не в силах вспоминать
Ту песню волчью.
Но – длинных лунных два луча
Глядят из мрака,
Как та февральская свеча
У Пастернака.

С разворотом, по-волчьи, всей грудью,
А не просто мотнув головой,
Оглянуться. И – вдаль по безлюдью.
И – прости, что остался живой.
И – прощай. И последнего воя,
Как прикормленной песни, не жди.
И спаси нас, Господь, от конвоя,
И оставь всё как есть впереди.

Мелькнёт напротив
В предзакатный час
Звериный профиль,
Волчий твой анфас.
И я пойму,
Что скорая зима
Вся по уму,
Но вовсе без ума.
И вечно молод,
Вечно про запас
Звериный холод
В профиль и анфас.

У каждой боли – свой черёд,
А с болью можно жить.
Мне волчья гордость не даёт
Полканить и скулить.
Но всё поставлено сполна
Опять на тот же вид,
Где краснофлажная страна
Загонщиков плодит.
А волчья ягода горит
Запретной красотой,
И воля дикая манит,
И время – за чертой.
Не умирайте, егеря,
Тоскою всех облав,
В комок отчаянье собрав,
Я ухожу на запах трав
Из жути октября.

Эти дерзкие, злые туманы,
И метели, и стылая хмарь...
Обхожу стороною капканы –
И флажками вскипает январь.
И опять развесёлю птицей
Будет пьяная пуля лететь.
Но опомнится сука волчицей,
Чтоб звериную песню допеть.
Я и сам, словно волк одинокий,
Буду чёрную злобу когтить.
Не избавиться мне от жестокой,
Необузданной жажды любить.
Но поставлю последнюю точку,
Чтобы всё навсегда позабыть.
Я устал выживать в одиночку
И живую легендою быть.

Всей-то радости мне – распластаться на стылом снегу,
Всей-то нежности мне – зализать голубые следы.
Я себя сберегу, а зачем, для кого сберегу –
Мне уже не понять за незримою сеткой беды.
Засмеётся пурга, и качнётся вершинами бор,
И очнутся лога от предчувствия талых ручьёв.
И в апреле меня расстреляют навскидку, в упор.
Было время моё, а замкнулось – и стало ничьё.
Но опять отшатнусь от погибельной воли своей,
Но опять отрешусь от надрыва расщепленных струн.
День продлится во мне бесполезностью тысячи дней,
А угрюмая ночь – протяжённостью в тысячу лун.

... И закипит адреналин
В моей крови горячей,
В моей неистово слепой
И отчуждённо зрячей.
И ночь опомнится во мне,
И я опомнюсь ночью
И оправдаю боль свою
Непобедимо волчью.
И рухнет мир к твоим ногам,
И на обломках рая
Я нежность нашу скороню
От воя и от лая.

В душный май ухожу с головою...
Стать – над статью, а выше – статья.
И опять уподоблена вою
Захолустная песня моя.
Чувство боли всегда не простое,
Как себя простотою ни рань.
Захолустье уже обжитое?
Значит, надо нырять в глухомань.
И назло прошлогоднему толку
Надо жить, отчужденье любя.
... Ты прости, если можешь, поскольку
Я навскидку прощаю тебя.

Будь что будет. Каждая потеря
Знает свой положенный черёд.
Время, благодатное для зверя,
С верностью беспамьятства грядёт.
Бейся под осечками, двустволка,
Мне уже давно не до стрельбы.
Я очеловечиваю волка
Схожестью затравленной судьбы.

Звездопад – над моей головой,
Снегопад – за чертою загона.
А над миром – простуженный вой
И тяжёлая буква закона.
В этой букве чего только нет!
И приходит признание некстати:
«Ты – единственный волчий поэт
Посреди стиховой благодати».

III.

Очень многим легко признаваться
В чём угодно: в любви и в грехах,
Между строчек ужом извиваться,
Точки ставить не там впопыхах.
Ох, бумага! Тонка, а не рвётся,
Стерпит всё, что на ней не пиши.
Лишь под буквенным гнётом прогнётся
И покорно опять зашуршит.
Изощрайся. Она безучастна.
Почерк ляжет красиво, хитро.
...Что же ты спотыкаешься часто,
Сумасшедшее, злое перо?

В ладоши не забудешь от счастья,
Вторичность – тяжкий наш удел.
Первичен был один Гомер,
И тот, наверное, отчасти.
Живём в предчувствиях плохих,
На всёзираем с укоризной
И пишем скверные стихи
О суете прекрасной жизни.

Неблагодарная работа!
Махнув рукой на мир чудес,
Мы загоняем в переплёты
Слова, сошедшие с небес.
Они обидеться не могут,
Но переменятся с лица.
А мы божественному слогу
Служить клянёмся до конца.
И с этой клятвенною дрожью,
Забыв про всё, забыв про всех,
Поём.
Но ровно пахнут ложью
И неудача, и успех.

День погаснет – и выйдут все сроки.
Ничему нас не учат года:
«Ну, забыл ты отдельные строки,
Так ведь это ещё не беда».
Всё же чувствую злые упрёки,
Роюсь в памяти, выдохся весь –
И не вспомню отдельные строки,
Главный смысл в которых и есть.

Строки поверженной – не жаль,
Она запомнится едва ли.
...Какая, к чёрту, вертикаль
При нашей злой горизонтали!
Забудьте вечное добро,
Когда в пугающей отваге
Стократ греховное перо
К безгрешной тянется бумаге.
Слова, слова... Какой же прок
От их надуманных значений?
И так нелепо между строк
Искать весёлых откровений!

Ещё – не умею уснуть,
Уже – не умею проснуться.
Как хочется всё зачеркнуть
И к белой странице вернуться,
Пусть пропадом всё пропадёт!
Но сердце надеждой хранимо:
День чёрный меня обойдёт
И ворон прокаркает мимо.

Не пишется? И раньше не писалось.
Не дышится? И раньше не дышалось.
Не слышится? И раньше – глухота.
Не видится? И раньше – слепота.
Куда же мы приехали? Какая
Манила нас эпоха, развлекая?
Какому мы молились колесу?
В каком блуждали сумрачном лесу?
А жизнь уже дошла до середины
И дальше: за морщины и седины,
За круг седьмой, за Бога самого.
...Зачёркивать не надо ничего!

Ты снова где-то вдалеке.
Зачем упорно ты скрывала,
В какой строфе, в какой строке
Поэзия заночевала?
В какой строке, в какой строфе
Таится дерзостная сила?
...Слова оправданы не все,
Не всё забвение скосило.

Отчаянье следить за мною не устанет,
И в сумрачных делах, за гранью падежей,
Удачная строка удачливей не станет
И спишется в тираж без всяких тиражей.
Сегодня и всегда стихов кровосмешенье –
В греховности надежд за вечностью успеть.
Но падают слова, и чудное мгновенье
Придумаю, чтоб с ним мгновенно умереть.

Не живу – над собой издаваюсь
И поэтому – злее живу.
Поднимаюсь, и снова срываюсь,
И на помощь ошибки зову.
А когда прохрипит стороною
Чья-то зависть, вам станут близки
Эти строки, забытые мною
В переводе на все языки.

Пера взволнованный размах,
Волнующий размах.
И плачет время в письменах,
Прощальных письменах.
Смешнее некуда. Смешно,
Что некуда смешней.
И смотрит в чёрное окно
Январский соловей.
Ах как он яростно поёт,
Трагически поёт!
Как бьётся трель его об лёд,
О бесконечный лёд!
И ноты взвинчены – с ума
Всё сходит. Но потом
Легко расколется зима
Под пепельным крылом.
И разметелится. И страх
Вдруг обратится в прах
В моих последних письменах.

Горят листы. И Бог обезголосел.
Забыты напрочь правила игры.
О эти два из проклятых ремёсел:
Творить слова и сотворять миры.
Но откровенность запредельных писем
Сотрёт с небес небесные черты –
И вот уже любой иконописен,
И всех роднят обугленные рты.
Зачёркнут крик. И задохнулись битвы.
А завтра вслух перо заговорит –
И со слезами вспомнятся молитвы,
Но этих слёз никто не разглядит.

Я не знаю.
И знать не хочу.
Так надёжнее. И отовсюду
Подступает ко мне тишина.
И нельзя возвращаться к истокам.
Для кого?
А не всё ли равно?
Над страницей – бездушное небо.
И отчерчены чёрным поля,
На которых чертям веселее.
Я пишу.
А поймут, не поймут,
Расшифруют ли тёмные строки –
Это дело уже не моё,
Я уже сам себе не соперник.

А правда без поэзии – мертва,
А помыслы без вымысла – убоги.
И станут невозвратными дороги,
И вещи состарятся слова.
Дыши закатной удалю, дыши,
Прощаясь и прощая всё на свете.
День кончился – и в яростном ответе
Угадывать вопросы не спеши.

И вспыхнет безумством страница,
И злые воспрянут слова,
И чёрному небу приснится
Былая его синева.
А мне лишь одно остаётся:
Забыть, как хрипит воронья,
И верить – не скоро сообразится
Второе дыханье моё.

Где-то плач, где-то смех, где-то крик, где-то стон...
Но всему вперекор – элегический звон
И спасением – наши стихи.
И за каждой строкой – небесам в унисон –
То ли плач, то ли смех, то ли крик, то ли стон...
Я уверен, уверен: не только грехи
Нам зачтутся за далью времён.

Хоть как – я нежность сберегу,
Своим дыханьем отопрею.
Но к вам на дальнем берегу
Я докричаться не смогу
И дошептаться не сумею.
Вы залистаете меня,
Уже залистанного всеу.
Но выйду я из-под огня,
Слова заветные храня,
И смертью смерть опротестую.

Непредсказуема строка.
Но шёпот Божий
Ко мне придёт издалека,
На стон похожий.
И я смирюсь, и подчинюсь
Господней воле,
И от судьбы не схоронюсь
В открытом поле.

Слова – красивые, нарядные,
Тоска – безверию сродни.
Листаю ночи непроглядные
И перелистываю дни.
Ах, сколько памятью упущено!
И мы, юродивым подстать,
Всё перечитываем Пушкина,
А надо заново читать.

Нет поэтических времён,
Есть отвращение к бумаге.
И трусость явлена в отваге,
И мир сомнением спасён.
Нет перевёрнутых страниц,
Есть непрочитанные книги.
И отчуждённость в каждом миге –
Без берегов и без границ.
И нет поклонников. Во всём
Дух отрицания витает
И снисхождения не знает.
И вечно так. И поделом.

Подумай о высоком,
Подумай о далёком –
И всё же о земном –
Сегодня и потом.
Высокое – далёко,
Далёкое – высоко,
В запретной стороне,
И всё-таки – во мне.

Живу, не отражаясь
По срезу бытия,
То мягко выражаясь,
То грубо говоря.
Ты только не подумай,
Что время тороплю.
Я стопочкой угрюмой
Себя развеселю.
И где-нибудь на стыке
Мороза с тишиной
Опомнится на вскрике
Замолчанное мной.

Валерий ТИХОНОВ

**ОСЕННЯЯ
РАПСОДИЯ**

Валерий Евгеньевич ТИХОНОВ родился 4 августа 1961 года в г. Белореченске Луганской области. Раннее детство прошло в г. Кореновске Краснодарского края. Вырос в с. Тугозвонове Шипуновского района Алтайского края, где окончил среднюю школу и начал трудовую деятельность.

Отслужил в армии. Работал трактористом-электросварщиком в совхозе, электросварщиком-арматурщиком на заводе.

Выпускник (1989 г.) дневного отделения филологического факультета Барнаульского государственного педагогического института (ныне – университет). Три года работал в школе учителем русского языка и литературы (1989 – 1992 гг.).

Участник двух всероссийских литературных конференций (сентябрь 1998 г. и 2000 г. в городах Красноярске и Дивногорске), IV съезда писателей Сибири (ноябрь 2002 г. в Новосибирске) и других литературных и культурных форумов.

Работал в редакциях радио, газет, журналов.

Стихи и статьи публикуются с 1985 года в краевой, региональной и центральной периодике, коллективных сборниках и антологиях, изданных в Москве и Барнауле.

С 1992 года ведёт активную издательскую деятельность – книжные серии литературно-просветительского фонда «Август» («Катунь», «Дебют», «Тема» и др.), учредителем, издателем и главным редактором которого он является.

Автор четырёх поэтических книг, изданных в Барнауле. По первой – «Где дорога, там и жизнь» («Август», 1993 г.) – был приглашён к участию во Всероссийском совещании молодых литераторов (Москва, февраль 1994 г.), по второй – «Звуки, запахи, краски...» («Август», 1998 г.) – принят в Союз писателей России на Всероссийском совещании молодых литераторов (Рязань, март 1998 г.), рекомендации Николая Шипилова и Виктора Верстакова.

Лауреат: премии Демидовского фонда в номинации «Общественная деятельность» (за создание и продвижение «Августа», 1995 г.), краевых литературных премий имени В. М. Шукшина (за третью книгу «Формат окна», издание Алтайской краевой организации Союза писателей России, 2003 г.) и имени В. В. Бианки (за четвёртую книгу «Четвёртое измерение», издание книжной серии «Городская библиотека», 2007 г.).

Автор четырёх публицистических книг (интервью, репортажи; Барнаул, «Август», 1994, 1996, 2001, 2007 гг.) под одним названием «В центре внимания» – так называлась его полчасовая программа, которая еженедельно выходила в сетевом эфире радио «Роса» (Барнаул, 1995-2000 гг.), впоследствии ряд бесед публиковался в краевой периодике как интервью, а затем они включались в названные книги.

Член Союза журналистов России (с 1995 г.) и Союза писателей России (с 1998 г.).

Живёт в Барнауле.

Лес по холмам – словно войско
спешно сбегает к реке.
Лодка, что свечка из воска,
держит луну на крючке.

Эти ночные дозоры –
дремлющей родины рать.
Звёздного неба узоры
можно в реке собирать.

Мягкий костёр возле ивы
множит вдоль берега блеск.
Тихие звуки пугливы –
шорохи, шелесты, треск...

Хочется полночи вечной.
Впрочем, обманчива блажь.
Уж не туманна, но млечна
даль, а восход – не мираж.

Перебираючи краски,
пишет картину восток.
Ночью рождаются сказки
и завершаются в срок.

– Весна на пороге!..
– Неужто и вправду?!

Всем хочется верить –
она почтальоном заходит в ограду,
стучится к нам в двери...

Хотите – поверьте,
хотите – проверьте,
но солнечный зайчик
стал штемпелем жёлтым
на белом конверте!..

Весна! – это значит,
всё будет сначала –
цветы и капризы
и лёгкость в наряде,
и станет ручей
первой
мартовской
визой...
И щёки в помаде.

ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Скоро город с набережной будет –
три проспекта выведут к Оби.
Представляю: молодые люди
встретят там зарю своей любви.

А сейчас я сам, как в карауле,
у афиши «Мира» – взад-вперёд..
Популярней места в Барнауле
вряд ли кто из нас, друзья, найдёт.

У кинотеатра дух свиданий –
год составлен из одной весны!..
Рифмы перебрал:
мечтаний,
зданий..
Но я жду тебя уже целый час,
а тебя всё нет.
Какие уж тут стихи!..

ЛЮБОВЬ

Я настолько уверен в себе,
что совсем не нуждаюсь в тебе!
Но когда не нуждаюсь в тебе,
я совсем не уверен в себе!

Разденутся леса пред зеркалами глаз.
Оденутся потом, когда они устанут...
Свершается обряд ничуть не напоказ,
а просто потому... Не знаю. В этом тайна.

Смотри не прозевай, – теряется наряд.
Смотри не прогадай, – на золото у ног.
За августом идут итоги сентября,
который от росы холодной занемог.

Но будет хорошо в дни бабьего тепла.
Покажется одним, что вновь вернулось лето.
И кто-то загрустит, мол, молодость прошла
(а впрочем, виноват, банально чувство это)...

Глазами обнимать, в ладонях удержать
пусть всем достанет сил, и чувств, и междометий!..
Торжественно леса уходят в зиму спать...
Кончается листок, а я и не заметил.

СОСТОЯНИЯ ПРОСТРАНСТВА

Ветер сшивает просторы Земли...

Где-то по морю идут корабли,
где-то в горах пламенеют цветы,
стынут орлы в плоскостях высоты,
рожь колосится меж весями звонко,
косы плетёт на крылечке девчонка,
сохнет бельё в городах на балконах,
взрыв – и солдат задыхается в стонах,
гости к кому-то под вечер пришли...

Ветер сшивает просторы Земли...

СВИДАНИЕ

Вечерние тени ложатся под ноги
и тянут измерить свои очертанья.

Рисунок растущий

графически строгий,
нечаянно созданный для любованья.

Днём было светло

и почти без помарок
на улице, что геометрией машет,
и не было этих причудливых арок,
колонн, изваяний, решёток и башен...

И не было лёгкой походки навстречу,
и прикосновения, и поцелуя,
и не было взглядам дороги на Млечный
и чувства взаимного напропалую...

Наивность вечерняя утру поклонна,
но вечно пребудет во взгляде влюблённом.

БЕЗБИЛЕТНАЯ ЛУНА

Луна
формат окна
покинет не спеша...
В тот час,
когда я сплю,
что делает душа?
Лишь ангелы мои,
которых я не знал,
останутся со мной,
ведь я для них – вокзал.

И сны,
как поезда,
прибудут вне пути,
вне времени,
и мне
останется – войти.
Вот мой вагон.
Купе.
Формат окна в ночи...
Над столиком – в окне –
лимон луны горчит.

КОНОКРАД

Конокрад, всего лишь на ночь, конокрад...
Он по запаху узнает своего ли?
Конокрад, всего лишь на ночь, конокрад...
Только ночью им двоим знакома воля.

Он не правит, он не смотрит – это конь
сам несёт его туда, где звездопад
до земли хранит таинственный огонь...
Конокрад, всего лишь на ночь, конокрад.

На лугах притихших сбивчива роса.
Им привычно мчаться ночью наугад
к водопою, к многократным голосам...
Конокрад, всего лишь на ночь, конокрад.

Чаше звёзды замигали – жди рассвет.
Но рассвету ни один из них не рад.
Конокраду моему... пятнадцать лет!
Ну какой он, если на ночь, конокрад?

Конокрады, как награды,
конокрады, как награды,
ждут момента,
чтобы вызволить коня.
Оба рады – нет преграды...
Дорогие конокрады,
научите
конокрадству
и меня!

Вот и вымела осень с дороги
кутерьму разноцветной листвы.

...Мне б тогда не стоять на пороге
и не жать к косяку головы,
не жалеть сиротливые клёны...

Лишь сейчас мне октябрь подсказал,
что не лето, а поезд зелёный
опустевший покинул вокзал!

Птицы скорые ночью кричали.
И луна, пробираясь во мгле,
изогнулась прощально-печально –
как ладонь на оконном стекле.

Оксане Тихоновой

Всё обещало стать собою:
рекою – речка,
роща – лесом,
а всплеск подземного прибоя –
родник
 под берегом отвесным –
звал нас к себе,
звал причаститься,
звал отраженьем уколоться
и,
 освежая наши лица,
всё ждал сравнения с колодцем.
Мечтала стать большой дорогой
тропинка к хлипкому мосточку...
Я первый раз увидел строгой
жену –
 она хотела дочку.

О КУЗНЕЧИКЕ

В травяной причёске луга
ты, кузнечик, как заколка.
А поскачешь от испуга,
не найду, как ту иголку.

Ты хоронишься от взглядов,
ты любых боишься рук...
Чем таинственной обряды,
тем слышнее сердца стук.

Не затем тебя мне слушать,
чтоб откликнуться почтеньем,
а затем, чтоб править душу,
совпадая в измереньи.

Кто открылся – тот свободен,
пусть в свободе нету равных...
Сколь кузнечик беззаботен,
столь и славит мир свой травный.

ХУДОЖНИКУ

Александр Карпову

Дождь сделал выпуклым пейзаж,
но отдалил.

Клён, то ли стражник, то ли паж,
шумит вдали.

Как нарисованный стоит
соседний дом.
Мне кажется, художник спит
за тем окном.

Он солнце в сны свои унёс,
ему тепло.
Он ясно видит жёлтый плёс,
реки стекло...

Но пишет он дождливый день
(сам удивлён!),
дом, потерявший где-то тень,
меня и клён.

ДВОЕ

Александру Заволокину

Их было двое – ручка и листок.
Им стать хотелось неразлучной парой,
чтоб вышел из целующихся строк
романс влюблённых на мотивчик старый.

Наверно, им мешал от лампы свет.
Часы, что на стене, мешали тоже
найти никем не найденный куплет –
на прочие куплеты непохожий.

Они вдвоём пойдут в конец строки,
у них не скоро кончатся чернила...
Всё дело в том, что не было руки,
которая бы их соединила.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вечер выдохом ветра живёт.
День на запад уходит.
Ночь восточную песню поёт
о весенней погоде.

Поздний март обретает права –
он с зимою повздорил.
И суровые тают слова
на сибирском просторе.

Кто услышит мелодии слов,
пусть они и не в моде,
тот запеть свою песню готов
о весенней погоде.

Словно первые чувства пришли
или первые сказки...
Растревожат пространство земли
звуки, запахи, краски...

В НОЧНОМ

За селом на лугу, как на площади,
грациозно пасутся три лошади.
Маршал тихо сидит у костра
до утра.

Там, где лес зеленеет полоскою,
притаилось засадное войско –
то туман поджидает ветра
до утра.

А трава, как невеста на выданье,
скрылась в темень – не слышно, не видано...
Не отыщешь цветов у ковра
до утра.

На реке, упиваемой далями,
отражается месяц медалями.
К горизонту сбегает гора
до утра.

Хорошо, что вода в реке пресная,
её пьют даже звёзды небесные –
их рождают сушняк и кора
до утра.

Маршал тянется алой ладошкой
угостить жеребёнка картошкой –
он сидел, тот стоял у костра
до утра.

Откровенным быть, наверно, не смогу.
Разве только что в сентябрьском листопаде
расскажу себе на полном на бегу
о ранетах возле домика в ограде.

Все года мои расклеены давно
фотографиями в стареньком альбоме.
Я листаю чёрно-белое кино,
вспоминая всё, конечно, только, кроме...

В коммуналке моей памяти живут
все соседи и друзья и все родные.
Они песни со мной длинные поют,
поправляя занавески расписные.

Сорок градусов в стакане у меня.
Закушу их лишь одной понюшкой хлеба.
Оседлаю сорок первого коня.
Триста шестьдесят пять дней скакать под небом...

День уже поворотился на закат –
так сжимается шагреневая кожа...
Хорошо, что был сентябрьский листопад –
без него быть откровенным невозможно.

Я луга не вижу,
но вижу коней на лугу.
Чем дальше, тем ближе –
я даже узнать их могу.

Они молчаливы.
Копыта в траве не стучат.
Плакучие ивы
у речки вечерней молчат...

Круг памяти ниже.
Летать я уже не могу.
Я луга не вижу.
Но вижу коней на лугу.

Сплошь под облаками – без границ –
в тающем порядке стаи птиц.
А с холмов посмотришь –
и село
поднимает осень на крыло.

Эхо, если крикнуть у реки,
берега хватает за грудки.
Лишь в лесу желтеющем
без слов
паучки рыбачат меж стволов.

На ветру остыла красота –
выказала осень все цвета.
Скоро на постель
во всю Сибирь
сядет полыхающий снегирь.

До весны морозы и снега,
а потом уж лето и стога...
Вновь под облаками –
без границ –
в тающем порядке стаи птиц...

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Август вышел, но двери открытыми
сентябрю оставляет – входи.
Почта года цветными открытками
нас завалит потом, погоди.

Сердце города – площадь огромную –
обнимают деревья, цветы...
Здесь ли осень – девица нескромная –
открывает салон красоты?

Стал асфальт для листвы танцплощадкою,
пешеходы плывут – не идут,
а на дворников глянешь украдкою –
саксофонами площадь метут.

Бабье лето – Сибири экзотика –
по проспекту пройдёт не спеша
под цветным легкомысленным зонтиком,
словно чья-то душа...

ПРОГУЛКА

Я помню твой каприз –
зовущий взмах рукой.
Мы шли проспектом вниз –
к свиданию с рекой.

Жаль, опоздали мы.
Все дни перелистав,
в календаре реки
открылся ледостав.

Задержана рука
твоя
 моей рукой.
Там, где была река,
лишь ледяной покой.

От шумных площадей –
к покою берегов.
С прощания дождей –
к прощению снегов.

Пора.
 Пойдём домой.
Расшторим два окна.
И встретимся с зимой –
она теперь видна...

С ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Вода
 песок волнисто режет.
К ней с кручи
 тянется трава.
Речной вокзал с правобережья
похож на теплоход «Москва».

Упругий мост,
 как деда с внуком,
соединяет берега.
Река
 течёт почти без звука,
в лугах находились стога...

Стрижи,
 тревожа рыболова,
берут обрыв на абордаж...
И облака,
 что к слову слово,
вплывают двойственно в пейзаж.

Дождь домам напротив драит крыши,
всё равно никто ему не верит.
Близоруко вижу, чутко слышу –
на балконе ходит он за дверью.

Вот повис отвесною стеною
столь прозрачной, что весь город видно!
...Я не понимаю, что со мною –
почему-то мне за дождь обидно.

Слышу – он пошёл по тротуарам,
по аллеям потемневшим парка.
Каждый листик умывался даром,
и дорожке не было подарка.

Только люди прятались в аптеках,
в магазинах и на остановках...
Всё же дождь увидел человека,
что шагал в резиновых обновках.

Улыбаясь шёл он, франтовато,
нёс в руке кораблик, словно ломтик, –
в лужах он искал ему фарватер.
И зачем такому парню зонтик?!

Это точно – водная стихия!
Это точно – встреча двух созданий!..
...Ты спросил: зачем пишу стихи я?
Я тут ни при чём: всё видел Ваня,

видели водители гортранса,
редкие прохожие и кошка,
паучок, что плыл по луже брасом,
девочка из мокрого окошка.

ПАМЯТЬ

Там опять на закате октябрь избывает истому
по листве, что уходит в две тысячи первый вираж.
Тихо пишет ранет на стене деревянного дома,
кадр за кадром теряя, графически чёткий пейзаж.

А за домом подсолнухи бывшие, став частоколом,
умоляют срубить и последним костром увенчать.
Огород вспоминает, что был он всё лето глаголом,
и бугрится землёй, до весны неспособной зачать.

Белорядной зимою сугробы там были по крыши –
лишь по дыму узнаешь, где улицы и калачи.
Солнцу ярому виделись мы словно юркие мыши,
и охота на нас прекращалась в упавшей ночи.

То село на Земле для меня – материк в океанах.
Я к нему подплываю всё чаще и чаще во сне.
Там все окна залиты зарёю, как вина в стаканах,
а калитки заборам хозяева дарят к весне.

Я забыл эти лета, а вспомню, то снова забуду,
чтобы было чем жить и о чем иногда вспоминать.
Моя память пунктирна, дарована мне словно чудо,
мне лишь надо её всю – до строчки – успеть записать.

САННЫЙ ПУТЬ

Памяти Геннадия Панова

«Мороз и солнце...» –
значит, снова
январь нас
к Пушкину вернул.
И проза:
мы из Шипунова
автобусом
на Барнаул.

Берёзы, выбежав навстречу,
спешат нам инеем блеснуть.
Снег на полях ещё не мечен,
а рядом с трассой –
санний путь.

Кто этой чести удостоен?..
И невозможно не вздохнуть:
кругом
величие простое
и санный путь.
И санный путь!

Я угощу шофёра чаем.
Он скажет: «Отстаём чуть-чуть...»
Он – за рулём – не замечает,
что рядом с трассой –
санний путь.

А я как будто и не вправе,
как пассажиры все, вздремнуть.
Хочу увидеть:
кто же правит,
обозначая
санний путь.

Первый прохожий – нетронутость прочь!..
У остальных не случилось заминки.
Значит, январская кончилась ночь,
коль на снегу появились тропинки.

В самую полночь была кутерьма!..
Жаль, вы увидеть её не успели.
Но лишь истаяла страстная тьма,
сразу – с восходом – снега заалели.

Песни синичьи озвучили клён –
в знак благодарности нам за кормушку.
Кажется, каждый прохожий влюблён –
каждого хочется чмокнуть в макушку.

Сергею Ядыкину

Когда в зарю утянет синеву,
на потемневшем небе вспыхнут звёзды,
из ниоткуда падает в траву
роса, чуть охлаждая тёплый воздух.

И остаётся тихо созерцать –
как травы принимают в себя росы,
как звёзды принимаются мерцать,
как реки в берега вплетают косы...

То в явных знаках тайного числа,
то в явных числах потаённых знаков
ночь помыслы мои легко несла
в далёкие объятия зодиака.

Как в жаркий полдень – голову печёт.
Но сумерки не выдают дорогу.
Кузнечик знает всё наперечёт,
но песнь его понятна только Богу.

От белого цвета круженья
зеркальность предстанет иной.
Рождается утро –
сожженье
за чуткого рая стеной.

До алого цвета касанье
воде быстrokрылой дано,
дан птицам полёт как лобзанье,
а мы друг для друга –
вино...

Разлуки в любви не бывает.
Разлука сражает лишь тех,
кто главного слова не знает –
то слово
заветнее всех...

СВЕТ ЛЮБВИ

Ночью небо, самовозгораясь,
тлеет что оставленный костёр.
Месяц, одиноко озираясь,
не рога, а руки к нам простёр.

Весь размах виниловой пластинки
онемел над бездной бытия,
потому дороги и тропинки
не видны – скрутились что змея.

Как не знать приливов и отливов,
что толкают бездну и пески,
если сердце планетарной сливой
гонит кровь в запястья и виски?!

И летит полярною совою
чувство на окаменевший лик,
чтобы там – за снегом и листвою –
молодость почувствовал старик.

Потому востока розовеет
лепесток и к западу летит,
что любовь преграды не имеет
и что жизнь никто не запретит.

Луну и звёзды некому стеречь,
их поутру рассвет собирает в горсть...
О чём душа поёт – о том и речь.
Кого позвали в гости – тот и гость.

Всё ярче, жарче оживает печь
небесная над зимнею Землей...
О чём душа поёт – о том и речь.
Что прогорит – то назовём золой.

В высоком полдне вся и всё видней,
урок черчения теней не завершён...
Ты всех мне ближе. Ты мне всех родней.
Я навсегда тобой одной заморожен.

Кто и когда – неведомо – раскроет
объятия рук, забывших суть родства,
и обернётся вызванным героем,
которого баюкает молва?

Свершится ли – до боли – узнавание,
чтоб долгою роднёй разбогатеть?
Кто удлинит настолько расстоянье,
что руки через жизнь не рассмотреть?

Но очевидно: небеса раскрыты –
нам звёзды навернулись на глаза,
вот озеро – волшебное корыто,
вот Млечный Путь – что дивная лоза...

Силён народ иль слаб, идущий строем,
оружием бряцающий в пути?
И только ли война даёт героев,
а на труды героев не найти?

Нам выпадет возвратную дорогу –
суть мужества и мудрости урок –
найти не сразу к отчему порогу,
а в срок.

Тогда плоды трудов больших и малых
перекочуют к праздничным столам,
где чествуют достойных и усталых,
вино и хлеб деля напополам.

ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Памяти Николая Шипилова

...Вдоль железной дороги путейцы – как гроздь облепихи.
Деревенька мелькнула – скворечников серый квартал...
Я в купе.
Я один.
Нет попутчиков.
Грустно и тихо...
Так и в жизни, в которой размашисто я заплутал.
Может, это и к лучшему? –
мне ни к чему разговоры.
Я и так из-за них неудачами часто сражён.
...Закрываются степи стеною соснового бора,
разрезаются горы реки синеватым ножом...
Тихий чай.
И молчит по-японски со мной проводница.
Вместе мы на минуту, а после я снова один.
...Знаю, утром в окно просочится рассвета водица,
а потом брызнет солнце – над миром святой господин...
Домоседы мечтают:
вот мы бы, вот нам бы, вот там бы!..
Но они не оставят уютных домов и квартир.
Я пойду покурить в сквозняком продуваемый тамбур –
там от близости ветра реальнее чувствуешь мир.

Всё большей жертвы требуют года,
хотя уже у сил пора исхода –
так льдинами тиранится вода,
когда она во власти ледохода...

Воспоминанья – как вода в песок.
Но каждый день был чем-то очень важен.
...Спокойно! Надо плыть наискосок.
Ориентир – знакомые пейзажи.

В минуты напряженья говорю
себе о том, что надо быть отважным,
что я не просто реку покорю,
а вынесет меня течение дважды.

Всё это станет опытом моим.
Я берега соединил собою.
Жизнь – как заплыв, что был необходим
для испытания души судьбою.

Сергей ФИЛАТОВ

ПАМЯТЬ ВОДЫ...

Сергей Викторович ФИЛАТОВ родился 1 июня 1961 года в г. Омске.

После окончания Алтайского политехнического института (1985 г.) работал инженером-технологом, сотрудником заводской многотиражки, начальником лаборатории, директором коммерческого предприятия, заместителем директора по маркетингу ОАО «Иткульский спиртзавод», помощником ректора в АПГУ, редактором городской газеты...

Участник нескольких краевых семинаров молодых литераторов, IX Всесоюзного совещания молодых литераторов (Москва, 1989 г.).

Учился в Литературном институте им. Горького (окончить не удалось из-за навалившейся инфляции).

Стихи и проза публиковались в краевой, российской и зарубежной периодике, в коллективных сборниках и антологиях.

Автор шести поэтических книг и одной книги прозы.

Лауреат: краевой премии имени В. М. Шукшина (за подборку стихотворений «Останется в слове едином», альманах «Алтай» № 4, 1994 г.), премии Бийского отделения Демидовского фонда (за книгу прозы «Человек на обочине», 2000 г.), муниципальной премии в номинации «Литература» (за книгу стихотворений «Число», г. Бийск, 2004 г.), краевой литературной премии имени Л. С. Мерзлякина (за книгу стихотворений «Светлая книга», 2006 г.), премии журнала «Барнаул» (2006 г.) в номинации «Проза».

В различные годы редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Бийский вестник» (Бийское отделение Демидовского фонда).

Член Союза писателей России с 1995 года.

Живёт в Бийске.

По тонкому свету минувшего дня,
По шелесту ясной листвы в сентябре...
Когда-нибудь кто-нибудь вспомнит меня,
Как неторопливую тихую речь.
Как светлую грусть.
Как вечерних берёз
Багряный настой.
Как имя земли изначальное – Русь.
Когда-то потом...

Как глубоко и нерушимо –
Берёзы. Родина. Рассвет.
Беззвучный шёпот камышинок
И холодок росы в траве...

Покуда нет туда возврата, –
Наверно, просто не пора.
И всё-таки в грядущем завтра
Душа отыщет этот край.

Где шаткий мост на ветхих сваях
Глядится в зыбкое стекло,
И роща спит светло и свято,
И сердцу – свято и светло.

На вокзале железнодорожном
Недоумок играет в дуду –
Всё ведёт и ведёт осторожно
Комариную ноту одну.

Вслед за музыкой вытянув шею,
Увлечённо ведёт головой.
Надоедливо, долго, душевно
Нарушает душевный покой.

И над суетным, серым, бескрылым
Он парит, закрывая глаза.
Что он важное хочет открыть нам,
Что же главное хочет сказать?..

Двое в форме выходят навстречу,
Объясняют, толкают слегка...
– Отойди! – говорит. – Изувечу!
Изувечит. Что взять с дурака.

Рядов торговых линии: народу – как людей...
И лагерною лирикой пропитан летний день.

Пельменно-чебуречная теснится суета.
Продажная, сердешная Россия без креста...

Торговка пышногрудая: полей бескрайних ширь!..
Ах, безграничность русская!.. Эх, широта души!.. –

Как птенчик малый сжалась вся. И ноет. И болит.
И песней сердце жалобит нарочный инвалид:

«Уж мы в Чечне, в Афгане ли... на Первой мировой...
Пять лет не мылся в бане я... слав Богу, что живой...»

На землю шапка брошена... Затёртые рубли...
Эх, мать-Россия-родина, тебя ли не любить?..

Как и всё – по жизни бестолковой
по моей беспутной проходя, –
лето расколосось на осколки
солнечного тёплого дождя..

На прополку грядок в огороде,
на плескание в парной реке,
на мосток, увязший под горою,
и шмеля, уснувшего в цветке.
Столь ли важно, что ему приснилось?..

Слышу ясно – смех и кутерьма:
девушки собрались по клубнику,
говорят, клубники нынче – тьма!..

Что ж грустить о прожитых годы,
коли жизнь вновь дарит торжество
на моих клубничных косогорах!..
На осколках лета моего.

У соседа запой. Я его понимаю.
Но помочь, видит Бог, я ничем не могу.
Я, бывает, и сам иногда принимаю,
Когда сам от себя малодушно бегу.

У соседа запой... Осень золотом сыплет,
Как деньгами сосед. Он небрит и несвеж,
Предлагает мне выпить. Чего бы не выпить...
Да простит меня Бог, да спасёт его Свет.

Отчего бы не выпить с хорошим соседом
И не взять на себя часть соседских забот.
Может быть, у него на душе просветлеет,
Или вдруг, может быть, на меня снизойдёт.

Воздух осенью чист. Небо осенью сине.
Есть надежда, что всё в этом мире не зря,
Как молитва, простёртая Отче и Сыне...
У соседа запой. И разгар сентября.

Я сделал плохое деянье
И во искупленье греха
Свершил старику подаянье.
Легко. И забыл старика.

Да мало ли их, в самом деле!
Ну подал и подал ему...
И вроде бы правильно сделал,
И вроде бы всё по уму.

А осень листвою сорила,
Что золотом. В полной тиши.
Как будто безмолвно корила
За скудость и чёрствость души.

Всё, что нам без скорби даётся
В миру, – не возвысит креста...
А нищий пойдет и напьётся.
И свалится пьяный с моста.

Ивану Семоненкову

Пишу тебе письмо. И вижу – как вживую
Приходит август. И, как зрелое вино, –
Всё глубже тишина. Всё отдалённой звуки.
И светлая печаль рябины за окном...

Пишу тебе туда, откуда нет возврата.
Хочу тебе сказать, что сказано давно:
У каждого своя есть в этом мире правда,
Ранима, как печаль рябины за окном.

Писать тебе сейчас – зачем, скажи на милость,
Мне проще всё сказать вот так, при встрече, но
Приходит август. И – вокруг всё изменилось.
Приходит август, и... пишу тебе письмо.

Снег. И пахнет бензином в маршрутке.
Наконец-то в Сибири зима!
Россиянин – а пьяный, как русский! –
поскользнулся и – мать-перемать!..

Брат, вставай!
Поднимайся, восстанем
мы из грязи! Да топнем ногой!
Я и сам ведь немного татарин...
печенег... или кто-то другой.

Тоже сильно тоскую по маме
и бываю отчаянно слаб...
Тьмы и тьмы нас... теперь – россияне.
Степь
да снег,
точно белая мгла.

Скрипит под ногой половица...
И образ неясно размыт.
И пыль переходит границу
Тончайшего света и тьмы.

Я вижу забытые лица.
Я знаю, чего я хочу.
И надо всего-то склониться
И молча поставить свечу.

И так всё до боли понятно
В душе, очерствелой, как хлеб.
И я начинаю склоняться
Под тяжестью света. И лет.

Век ли долог... иль память жестока?
Ангел мой, я растратил слова, –
ветры с запада, думы с востока
и дурная молва как трава.

В сорном поле полынь да коровник,
в сердце холод да медь сентября,
жизнь моя, – твой забытый любовник, –
кровь моя, боль моя, жаль моя,

точно сборы в глухое зимовье
иль отчаянный выстрел в висок,
даль твоя – глубока и безмолвна,
свет твой хладен, высок и жесток...

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вся жизнь моя – строка (не путайте со строчкой).
Чего-то не успел, чего-то не сумел..
Пробел. Ещё пробел. И впору ставить точку.
Но где-то в тишине, но где-то в глубине...

Надеяться и ждать. И верить (корень – вера).
А вдруг. Сейчас. Вот-вот.
Вот-вот... Сейчас... А вдруг...
Проклонится на свет апрельский, словно верба,
Пусть не строка. Пусть звук... Вначале будет звук.

Виной всему предел. Вернее – нет предела,
Конца и края нет. И края края нет.
И храм, и вербы, и... грядущий понедельник.
И где-то в тишине, и где-то в глубине...

Уйти, исчезнуть, раствориться,
с бездонной синей далью слиться,
вкусив безмолвия.

Потом –
смотреть в светлеющие лица,
чтоб, отразившись, повториться
немного в каждом.

И в одном –
чуть больше, чем в других,
но всё же
неуловимая похожесть
пускай останется такой...

Чтоб всё, что пережил и прожил,
осталось лишь твоим –
и всё же
рассеялось, как прах веков.

Тихая заводь июльского лета.
Память воды до седьмого колена...
Дно ли погрезится... Или во мне
Что-то забрезжит неясно и больно:
Словно нахлынет светло и привольно
И – растворится тотчас в глубине?..

Линия света и тени от бора.
Линия берега. Кромка прибоя
В проблесках, точно случайной, слюды.
В полном покое согбенные ивы,
Словно монахини светлые... Или
Всё это горняя память воды?..

Здесь ли, смиренно и тайно взывая,
Тихо рождалась печаль вековая?..
Лето Господне. Благие труды –
К миру огромному, к скудному хлебу
Да к неразменному синему небу...
Тихая заводь. Память воды..

Буксир упирается – тянет
Две грузных баржи по реке...
Волна набежит и растает,
Разгладит следы на песке.

Спокойно, без видимой боли
Затянет текучим песком, –
Как будто по кромке прибоя
Христос уходил босиком...

Гори, гори, моя свеча,
Мерцай неугасимо!
Ведь шуба с барского плеча –
Ещё не вся Россия.

И если, голову склоня,
На паперти стою я,
Дающим ли судить меня!..
Я не сужу дающих.

Пусть в потаённой тишине
За сокровенной мглой
Моё останется во мне...
И канет всё чужое.

Друг мой, снова я остался не у дел,
Вновь в душе своей чего-то не сберёг.
День угрюм, как коридоры МВД,
И тоской промерен вдоль и поперёк.

По привычке говорю ещё – «мой друг»,
Обращаясь, может быть, к тебе, мой враг.
Впрочем, слово в данном случае лишь звук,
Обозначивший условно некий знак.

Запредельность опустевшего листа,
Проходящесть отчуждения миров...
Лишь в окне пустом – подобие креста
Да рябин ещё не высохшая кровь.

ПОДСНЕЖНИКИ

Очень быстротечна мера
Сокровенной красоты –
Только перед самой смертью
Открываются цветы.

Станным кажется их праздник
В свете участи земной,
Словно и не умирают,
А уходят в мир иной.

Скрещение времён, стечение судеб,
Смещение бытия в полуночное бденье.
Проявленная тьма уходит в оный день
Корнями и костями. О Мир, ответствуй, где я?

Языческий восторг монгольского костра –
Огнями степь полна – смиряется холмами.
И век за веком вспять, исхоженный стократ,
Истёртый в пыль и прах... О Мир, не понимаю,

Когда я кончил жить, откуда я живу?..
С холмов нисходит в дол прозрение. Светает.
И зеркало росы ложится на траву,
Но отраженный свет ещё не долетает.

Свеча или звезда? О Мир, прими меня!
Я слишком долго жил. Позволь остаться доле.
В Твоей великой тьме недоставало дня
К дороге и к судьбе, к забвенью и к юдоли.

Хладный покой вековечного бора,
Точные тени на зыбком песке –
Зримо и просто. Отсутствие боли.
Неколыхание жилки в виске.

Сосны. Границы любви и печали.
Потусторонний рассеянный свет –
Словно то чувство, что было вначале...
Только тепла первородного нет.

В укромном схороне Алтая
Благих ожидая вестей,
Бездумно, как чётки, считаю
Унылые дни без затей.

Пустое пространство ночлега,
Провал бесконечный окна –
Страна одинокого снега,
Тоски одичавшей страна.

Как будто бы холод конвоя
Всё время стоит со спины.
И хочется даже не воли,
А просто дожить до весны...

Как всё когда-нибудь кончается,
Чтобы продолжиться потом, –
Снег выпал, чистый, как причастие
Моей рябины под окном.

И, словно в зале ожидания,
Смотрю на этот белый снег
В преддверьи первого свидания
Или прощания навек.

Распутие дорог без витязя,
российских.

...честь и совесть смолоду –
и как бы есть возможность выбора,
точнее, видимость возможности –
где творчества тропинка узкая
расходится с дорогой главной...

Заснеженность пустынной улицы
сродни ухоженности кладбища.
Окно – статичное до чёткости.
Рябины зимнее причастие.
И чувство первой отречённости,
как непорочности зачатия.

И время на часах. И вечность ниоткуда.
И женщина уже – моё-ничьё ребро...
Цепляться за края разбитого сосуда
И, сидя на вещах, стеречь своё добро...

Сорваться с места и впасть в тяжкие. А после
Винить себя за всё и каяться во всём.
И тост произнесён. Нашёлся б только повод,
И он найдется, и... коль тост произнесён.

И некто за спиной: «Извольте. Рад стараться».
Но если жизнь – игра, есть правила игры.
И мир окрест меня. И дальние пространства
В Кошеевом ларце на кончике иглы...

Снег валил густыми хлопьями,
засыпая измерение
и стирая очертания
зданий, улиц, тополей, –
будто время в некой плоскости
заблудилось в безднах вечности
где-то в недрах подсознания,
как в глубинах галерей,
где наброски полустёртые
из заброшенных запасников –
точно кадры чёрно-белые
из наивного кино...

Зимы раньше были снежными,
птицы раньше были певчими,
даже люди были щедрыми...
Помнишь?..

Я забыл.
Давно...

Свет погрезил... бес попутал...
А вчера в моём окне
занялась мирская пустынь...
или путь меня – ко мне?

Не лавровый, не тернистый,
как июнь спокойный путь.
Жить бы мне лет этак триста!..
Только
столько не живут.

По-над вечностью, за бездной –
где печаль моя светла –
ворон чёрный в свете белом
распростёр свои крыла.

И словно не ты, а другая
В строке уходящего дня...
И вечность уже не пугает,
И мир отторгает меня.

Бумага всё стерпит. Бумага...
Ей тайну доверю свою.
И холод приемлю как благо.
И душу за грош отдаю.

Но если когда-нибудь вспомню,
Что тщетно я вспомнить хочу, –
Вернусь я в забытую полночь
И молча задую свечу.

Лошадь белая в поле тёмном...
Н. Рубцов

Что за ночь?
Точно злое застолье.
Тьма кромешная во дворе.
То ли зеркало треснуло,
То ли,
Отворившись, скрипнула дверь...

То ли берег, заросший илом,
То ли загнанный храп коня...
То ли не было,
То ли было
В мире что-то до-после меня?

Что за этим глухим расколом
В этой тёмной глухой стране?
«Ночевая! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне».

Словно время пришло собираться –
Даль открыта, чиста и светла.
Августовская зрелость пространства
Снизошла... или просто пришла:

Я живу, совершенно не зная,
То ль живу, то ли бедствую я,
Сколько в мире осталось сознания
И отмерено мне бытия.

Посулу и хулу принимая,
Я своё точно память храню.
И куда-то выносит прямая,
И рябина горит на корню...

Я пришёл, как и было предсказано,
Накануне июньского дня.
Отчего ж ты, печаль златотканая,
На рассвете не будишь меня?..

Ты буди – на потом не откладывай,
Может статься, я вскоре уйду,
Напитавшись ночью прохладой,
Словно яблоня в майском саду.

Будет день. Будут дальние странствия
В долгом поиске вечной тебя
В мире, где так немного от радости
И так просто себя потерять.

А пока я ещё неприкаянный
Накануне июньского дня,
Разбуди меня, явь златотканая,
Разбуди поскорее меня!

Иван МОРДОВИН

**СОЛНЕЧНЫЕ
СТРУНЫ**

Иван Федорович МОРДОВИН родился 11 сентября 1948 года в селе Кольванском Павловского района Алтайского края.

Он выпускник Кемеровского медицинского института и Литературного института имени М. Горького.

Его стихи публиковались в краевой, региональной, центральной периодике, в «Антологии русского верлибра» (Москва, 1991 г.) и «Антологии алтайской поэзии» («Библиотека «Писатели Алтая», Барнаул, 2002 г.), а также в различных коллективных сборниках.

Он автор четырёх поэтических книг, изданных в Барнауле: «Белое пламя» (Алт. кн. изд-во, 1992 г.), «Верлибры» (изд-во «КОМБИ-ПРИНТ», 1999 г.), «Волнение ветвей», (ЛПФ «Август», 2003 г.) и «Свою в душе мы носим песню» (книжная серия «Городская библиотека», 2008 г.).

Участник нескольких краевых и зональных совещаний молодых литераторов, дипломант первого Всесоюзного конкурса поэтов-верлибристов имени В. Хлебникова (1988 г.).

В настоящее время – руководитель поэтических семинаров на краевых литературных совещаниях и руководитель краевой литературной студии «Обские волны» при Алтайской краевой писательской организации (Барнаул, ул. Анатолия, 102, Дом писателя).

Лауреат краевых литературных премий: имени Николая Черкасова (2006 г.) и «Певцу родного края» (2008 г.).

Член Союза писателей России.

Живёт в Барнауле.

АВГУСТ В ЗОНАЛЬНОМ

Валерию Тихонову

Кошка пригрелась на тёплом крыльце.
Рыжий подсолнух в небесном кольце.

Солнце плывёт к земле на поклон.
Августа зона. Зональный район.

Я в этой зоне бескрайней тону.
Звонкий кузнечик тронул струну,

Космос откликнулся эхом времён.
Сам не пойму, в кого я влюблён.

Кошку погладил, день прожил не зря.
Скоро уйду в листопад сентября.

Женщину буду помнить как сон,
Августа зону, Зональный район.

ОСЕНЬЮ

Василию Нечунаеву

Необъяснимых настроений,
Волнений скрытых властелин,
Просвечен солнцем лес осенний
В багряных всполохах осин.

Стою на узенькой тропинке,
На миг оцепененью рад.
Паук висит на паутинке,
Как и висел сто лет назад.

Под ноги листья опадают,
Свой завершив круговорот,
Но высоко один взлетает
В пустой холодный небосвод.

Влекомый силой неземною,
Зачем он рвётся в высоту,
То вспыхнет яркою звездой,
То гаснет искрой на лету?..

НА СТАРОЙ ПАСЕКЕ

Дорогу в сумерках указывая мне,
Горит свеча на пасеке в окне.

Там на крылечке кряжистый старик
Меня как сына принимать привык.

Без приглашения к нему в день именин
Сегодня тороплюсь под сень рябин.

Он, выключив транзистор, за столом
Задумался о чём-то о своём.

На дереве его большой руки
Вчера гнездились майские жуки.

Вчера...
Вчера и юность были... и семья...
В чужой земле остались сыновья...

И вот теперь в предчувствии снегов
Он различает запахи цветов.

Разматывает нить лихих годин
Оставшийся один среди рябин.

А пчёлы, как всегда, из года в год
Несут ему целебный в соты мёд.

Стога. Облака. Раздолье.
Луга заливные. Тишь.
Дыши глубоко и вольно,
Гляди на речной камыш.

Здесь нет для тебя обмана,
И не качай головой.
Вдали от Чечни и Афгана
Любая затянется рана –
В твоей стороне родной.

ДРУГУ ДЕТСТВА

А. И. Доценко

Не мало было нам дано
После себя оставить детям:
Соткать тугое полотно,
Посеять хлеб и путь наметить.

Нельзя об этом забывать,
Друг милый, даже на мгновенье.
Отцы сумели отстоять
Для нас в боях сердцебиенье.

Они героями домой
Смогли к любимым возвратиться!
...А нашим сыновьям с тобой,
Скажи на милость, кем гордиться?

2005 г.

Во мне живёт страх,
Во мне живёт смех,
Во мне – «ой»,
Во мне – «ай»,
Во мне – «ах»,
Во мне – грех!

А сам-то чего я боюсь?
Отважный мой организм
Помнит
Святую Русь,
Смутных дней
Сатанизм.
Сквозь вековую версту
Видит
Хищных ворон
С картавой картечью во рту,
Обсигивающих трон.

Глупец, для кого-то лох –
Националист,
У Соломиевых ног
Клёна опавшего лист.
Иль Иоан я,
Или Иван,
Не помнящий родства,
Палёнки хватил стакан,
И кругом пошла голова?

Всё напрочь
Сумел забыть.
Каждый встречный
Мне друг и брат.
Любого прохвоста
Готов любить,
Будь иудей он
Или араб...

Коль в этом моя вина,
Среди великих равнин,
Родная, прости, сторона,
Встающая
Вновь
Из руин.

НА РОДИНЕ

На родине поля без края,
В зелёном мареве леса.
Здесь наши дети вырастают
И обретают голоса.

Здесь, как и я однажды,
Близко,
В свой срок,
Нагрывший весной,
Сын ощутит у обелиска
Тепло и боль
Земли родной.

В нём будет жить
Моё волнение,
Не оборвётся предков нить.
Земли весеннее цветенье
Мой сын сумеет сохранить.

И как бы ни гудели ветры
И ни металось воронье –
Над родиной
Восходы светлы
И чисты помыслы её.

Какую девушку любил,
Какие рвал цветы,
Всё неожиданно забыл
В потоке суеты.

Не помню глаз, не помню рук,
Скамейку у ворот,
Далёкой брочки перестук,
Дороги поворот.

Забыл душистые луга
В туманной пелене,
Как невесома и легка
Ты шла по тишине.

Не помню тёплый выдох твой,
Родной овал лица,
Над наклонённой головой
Мерцание листа.

На перекрёстке городском
Остановился вдруг.
Ах, сколько разных лиц кругом!
Не помню глаз и рук.

Шофёр успел затормозить,
Кричит: «Очнись-ка, ты!..»
Неужто смог я позабыть,
Какие рвал цветы?!

В ДОРОГЕ

Роскошные, лоснящиеся травы,
Осевшие трухлявые кресты,
Избушка на пригорке у дубравы,
Построек бывших тёмные следы.

Я у хозяйки попросил напиток,
Уставший от дорожной маяты.
– Пей на здоровье,
Хворь не приключится,
Такой, как наша, поискать воды.

И пристально
Печальными глазами
С тревогой посмотрела на меня..
Я выпил воду полными глотками,
Запомнил вкус до нынешнего дня.

И ощутил о всём живом заботу,
Не только о моей одной душе,
Как будто выпил не простую воду,
Мне поданную бережно в ковше.

с. Чернявка.

В ГОРНОМ АЛТАЕ

Александр Ибрагимову

Ясная осень над миром,
Свет излучают леса.
Рерих ли ультрамарином
Выразил вдруг небеса?

В путь каменистый, неторный
Мы собрались не спеша...
Небом и воздухом горным
Дышит живая душа.

Шар земной, на котором ты мог
Воссоздать всё, что хочешь,
Отныне –
Взял да и ускользнул из-под ног,
Затерялся в холодной пустыне.

Дождевыми червями клубясь,
Друг за друга цепляясь телами,
Вот когда ощутили мы связь
Меж собой и своими делами.

ЛЕТУН

Было зябко в уютной квартире,
Было тесно от взглядов родных,
Оказался в распахнутом мире,
Пустоты наглотался, затих.

Над Камчаткой – всё те же туманы,
Над Уралом – всё те же леса.
Не согрели далёкие страны,
Не увидели света глаза.
Обратился за помощью к Богу,
Но Всевышний ничуть не помог.
Обернулся к родному порогу –
Надломился седьмой позвонок.
У виска искривилось пространство,
Пролетела сквозь сердце звезда.
И покинуло крылья упрямство
Над разросшейся кроной куста.
Мать признала заблудшего сына
И метнулась к нему от окна.
А жена у кровати застыла,
И в слезах всё простила жена.
Он теперь сумасшедшею птицей
Даже в мыслях летать не спешит.
В аккуратной районной больнице,
Словно ангел бескрылый, лежит.

И соседи пока по палате
Обсуждают высокий полёт,
Именитый волшебник в халате
Ему сердце стальное куёт.
Во сто крат надёжней былого,
Не страшны с ним ни зной, ни гроза,
Нипочём материнское слово,
Ни жены, ни ребёнка слеза.

СОН

Видишь, звезда ледяная
Над изголовьем висит.
Крикнешь – равнина пустая
В гулком безмолвии спит.

Не понимаю, какое
Время природы сейчас.
Разве хотел я покоя,
Был ли на скупость горазд?
Разве был сделан не мною
Дерзкий под звёзды бросок?
В непостижимом покое
Запад лежит и Восток.
Кости с камнями смешались,
Снежные горы глядят
В пустошь,
Где люди смеялись,
Где не поют, не грустят...
В этом не я ли повинен –
Мальчик, лукавый старик?
В чёрной оплывшей равнине
Мой задыхается крик.
В каждом желании малом –
Сам для себя господин.
Как вымирающий мамонт,
Я на планете один.

Что же такое случилось,
Что это стало со мной?
Только что солнце лучилось,
Ветер гулял над волной!
Это какая же сила
Смяла улыбку с лица,
Словно лавиною смыло
Дом и щенка у крыльца.

Луна – колодец во Вселенную,
Не пожалей живой воды –
Былинку окропи надменную,
Пролейся в мёртвые сады.

Лица я не скрываю бледного
И простираю руки ввысь.
Бесчувственное сердце медное,
В груди аукнись, шевельнись!

Лишённым человечей слабости,
Не будет оправдания нам,
Когда в разгульной, дикой радости
Займётся пламя тут и там.

И чуждым разумом гонимые
Глаза метнутся из орбит...
Не полоумной Магдалиною,
Безвинный первенец убит.

Чтоб отыскать любовь нетленную,
Какие надобны труды?
Луна – колодец во Вселенную,
Не пожалей своей воды!

ДРУЗЬЯМ

Сердца как океаны,
А взгляды как мосты.
Мы жаждем постоянно
Рожденья красоты.

Кидаемся в пучину,
В падении парим,
Совсем не беспричинно
Стихами говорим.

И не в чести у власти
Бываем неспроста,
Для всяческой напасти
Открытые всегда.

Смеёмся, плачем, бредим
И свой ведём мотив
На этом белом свете
Всем бедам супротив.

Покинет вдохновенье,
Поднять не сможем глаз,
Но только на мгновенье –
В последний, смертный час.

СВОЮ В ДУШЕ МЫ НОСИМ ПЕСНЮ

А. Корчуганову

И вот последними огнями
К себе позвал ноябрьский сад.
Мы жили солнечными днями,
К лицу нам белый шёл наряд.

Где он теперь, в каком пределе,
В каких заоблачных краях?
Ромашки наши облетели,
И кружат вороны в полях.

Как на заказ – за стаей стая,
С утра от них покоя нет,
Над нами каркают, картавя,
Крылами засты белый свет.

Предназначение такое
Дано им, видно, злой судьбой.
Да разве, милый друг, с тобою
О них нам думалось весной?

Свою в душе мы носим песню.
Пусть отгорел ноябрьский сад,
Нам первый снег из поднебесья
Вернёт утраченный наряд.

1991 г.

РОЖДЕСТВО-2000

Белый снег на белом свете,
Божьей воли торжество,
Новое тысячелетие...
Рождество!

Белый свет – Его обитель.
Близок Он и люб до слёз
Сердцу русскому – Спаситель,
Иисус Христос.

Над оврагом осевшее небо,
Облаков поредевших рваньё.
В оголённую согру, как в невод,
Ветер западный гнал вороньё.

И кричали зловещие птицы,
И скрипели деревьев стволы
Над размытой дождями границей
Уходящего света и мглы.

Листья красными искрами гасли,
Подступали виденья к глазам
В ядовитом болотистом масле,
Чтоб не шлялся по гиблым местам.

Но очнулся: откуда жилище?
Занавески, герани... и печь?
Резкий ветер над ухом не свищет,
А звучит осторожная речь.

Здесь обрёл я второе рожденье,
Забывать о котором грешно.
Только где оно, это селенье,
Занесённое снегом давно?

БЕЛАЯ ЗИМА

А на земле творятся чудеса:
Снежинки вновь
Спускаются к нам с неба,
И незабвенной девушки глаза
Вбирают чистоту и свежесть снега.

До горизонта белая зима
Чиста – ни колеи и ни слединки,
Где под папахой древнего холма
День завтрашний,
Как в шапке-невидимке.

Там замер мир до будущей весны,
Недавних листьев слышатся сказанья.
Не оттого ль в доверчивые сны
Приходят к нам тайком воспоминанья?

И, кажется, с природой наравне
Предчувствую рожденье новых веток...
Я сам её частица – и во мне
Тепло и краски будущего лета.

Окрест пороша землю замела
И сединой деревья увенчала...
Не оттого ли так зима бела,
Что в ней – вершина года и начало?

В СТАРОМ БАРНАУЛЕ

Трубы, крыши в снежной вате
И карнизов кружева.
Как невесты в белых платьях –
По-над речкой дерева.

Город полудеревянный
За ночь снегом обновлён.
Я с утра какой-то странный,
Словно бы в кого влюблён.

Воздух свежий, выдох паром,
Только нет-нет да пахнёт
Солодовым перегаром
Пивоваренный завод.

Чистоту храню во взгляде
И себе даю зарок –
День воскресный зря не тратить,
Не ходить в пивной ларек.

Отыщу в кладовке лыжи,
В бор Нагорный поспешу.
Что увижу, что услышу –
Никому не расскажу.

Эдемский сад не для меня
И вздрагивание нервной скрипки
Среди вселенского огня
Сквозь изморозь твоей улыбки.

Теряют розы лепестки,
И догорают георгины.
Шаги свободны и легки.
В просвет сентябрьской паутины

Нам всем придётся уходить
В свой срок – не рано и не поздно,
Да что об этом говорить
И хмурить брови? Несерьёзно!

Не будем думать о плохом,
А будем – только о хорошем
Под первым ласковым снежком
И под колючею порошей.

Жене

Вспорхнёт ли птица,
Вздрогнет конь –
Я рядом, я всегда с тобою.
Ты струны солнечные тронь,
Мне помаши вослед рукою.

Я уйду недалеко
И с первыми вернусь дождями,
Как только берег над рекой
Зажётся вербными огнями.

И никаких не надо слов.
Я чувствую твоё дыханье
Среди любых глухих снегов,
Как в наше первое свиданье.

Воздух чистый. В небе ясно. Тишина!
Стуком дятла лишь душа оглушена.

Вот осина занялась огнём – горит.
Чёрный омут крутит листья от ракит.

И мерцают эти листья в глубине,
Как созвездия, неведомые мне.

По-над речкой на обрыве, на краю
Неподвижно, словно дерево, стою.

Подступившего не чувствую огня...
Что ж вы, други, не окликните меня?

Машенька-трамвайвожатая
С угольно-горячими глазами
В сердце понаделает пожара,
Мне твои подруги предсказали.

В женском образцовом общежитии,
Где вахтёрши наставляют страхами,
Далеко не просто чаепития
Сочиняли юные монахини.

Девичьи святые дни рождения
Налитых, неповторимых лет!
Те вахтёрши знали, без сомнения,
Отчего гас в вестибюле свет.

В чайниках чай забыто булькали
В час, когда назначенной порой
В гости проникали богохульники,
Слившись на мгновенье с темнотой.

Машенька-трамвайвожатая,
Комнаты бесхитростный уют
И её ладонь, к моей прижатая,
И сегодня в памяти встают.

Горячей предсказанного, близкая,
Ты полночной музыкой жила.
Со стены Настасия Вертинская
Наших тайн свидетелем была.

Да ещё с кривой соседней улочки
Заглянуть в окно пытался клён,
И хрипел в углу себе на тумбочке
Взятый напрокат магнитофон...

Машенька-трамвайвожатая,
Весь сгорел до основания май!..
Солнцем переполненный, оранжевый,
Ты куда свой увела трамвай?

ПОРТРЕТ

В. Садовникову

...И вот художник кисть берёт,
Небрежно мой портрет малюет.
И краски кисть его целует...
А может быть, наоборот?
Он в мире красочном живёт,
С небесной радугой общаясь,
И, ничему не удивляясь,
Он видит мир наоборот.
И струн цветных не оборвёт!
Он создает, не разрушает,
Задачи сложные решает...
А может быть, наоборот.
Когда на тыщу лет вперёд
Лик на холсте вдруг проступает,
Он этого не понимает –
Он видит мир наоборот.
И всё же холст его сгнет,
Пусть в вечность кисточки макает!
Он ничего не понимает...
А может быть, наоборот.

ЦВЕТЫ ДЛЯ ТАНИ

Летом непредсказуемых
Цветов в зелени трав
Пришвину или Зуеву
Не рвать, и в этом я прав.

Пришвин цветов не обидит,
Зуев не тронет.
Их
Только Господь увидит
В пальцах расцветших моих.

Солнышко рано встанет,
Речку разбудит язь,
Тебе подарю я,
Таня,
Эти цветы, не таясь.

Им перед Богом бесстрашно
Цвести до скончания дней –
Снега белей ромашкам
Из поднебесных полей.

Я женщине измены не прошу
Горячего, мятущегося тела.
Пусть жизнью несуразной отомщу,
Хотя по духу вовсе не Отелло.

Раскаянья отвергну словеса.
Слёз не приму
И заверений истых.
Иные буду слушать голоса,
Ожившие в пещерах сердца мгlistых.

Я не прошу распутства краткий миг –
Предательства любви моей и веры.
И даже став согбенным, как старик,
Не буду знать в своих проклятьях меры.

И если только не сойду с ума,
Единственной
Ей поклоняться буду,
Той женщине...
Да вот она сама
Идёт, не уступающая чуду!

АВГУСТ

Тане

Песок приветлив и сыпуч,
Тепло ещё хранит.
Но стал прохладней солнца луч
И пасмурней зенит.

Моей касаешься руки,
Твой взгляд, как прежде, чист.
Но чертит в заводи круги
Поблекшей ивы лист.

И зреет где-то в вышине
Тревожный птицы крик,
Неразличимый в тишине
На самый краткий миг.

Пока по-лисьи, стороной,
Крадётся осень в дом,
Не нарушая наш покой
На пляже золотом.

Чего мне в жизни не хватало?..
Не так уж многого хотел.
Душа за облаком витала,
Да сам летать я не умел.

Вот падаю с небесной кручи,
И кажется, что разобьюсь.
Но у меня счастливый случай –
Упасть на землю не боюсь.

Как будто ангелы за плечи
Смогли пристроить парашют.
И я готов для скорой встречи,
Где любят искренне и ждут.

РУСЬ

Русь, рассеянная по России,
Блёстки синие в прорези глаз...
Нет на свете тебя красивее
Ранним утром и в поздний час!
На Оби ты живёшь, на Онеге
В брызгах солнечных, в соболях,
То в разгуле бунтарском, то в неге,
То в остроге сыром, то в побеге,
Рядом с Богом
И в чуждых краях.
Мне с тобою уже не расстаться
И себя до конца не понять,
Как и ты буду петь и смеяться,
Горько плакать и к звёздам взлетать!..
От простора бескрайнего пьяный,
Не избыть не сумы, не тюрьмы,
Земляничные помнить поляны,
Обагрённые кровью холмы.
За отца и за сына в ответе,
За святых и неправедных нас,
Ты единственная на свете –
В первый мой и последний час.

Александр КАРПОВ

**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ
ПУТИ**

Александр Александрович КАРПОВ родился 7 марта 1960 года в селе Киприне Павловского района Алтайского края.

Выпускник Барнаульской художественной школы и художественно-графического факультета Костромского педагогического института имени Н. А. Некрасова.

Отслужил в армии.

Работал художником-дизайнером в газетах «Вечерний Барнаул», «Алтайская правда» и др. В настоящее время он художественный редактор ЛПФ «Август», журнала «Барнаул» и книжной серии «Городская библиотека».

Автор персональных выставок живописи, графики и фотографии в Барнауле, Новоалтайске, Славгороде, а также нескольких больших авторских концертов в Барнауле.

Оформил и проиллюстрировал несколько десятков книг поэтов, прозаиков, публицистов и учёных Алтайского края.

Он лауреат краевой премии «Золотой переплёт» в номинации «Лучший художник книги» (2003 г. и 2007 г.), премии журнала «Барнаул» в номинации «Поэзия» (2006 г.) и премии имени А. С. Пушкина (2008 г.).

Участник фестивалей авторской песни и литературных чтений в районах края.

Его стихи публикуются в краевой периодике, коллективных сборниках и антологиях.

Автор книг стихотворений и графики «Божественный стрелец» (ЛПФ «Август», 2001 г.) и «По дороге на небеса» (книжная серия «Городская библиотека», 2008 г.).

Живёт в Барнауле.

Это жизни моей фрагмент –
тонкий срез на исходе дня,
кадр какой-то из давних лент,
где почти не найти меня,
только тень позабытых лет,
краткий отблеск ночных зарниц
и едва уловимый след
пролетевших когда-то птиц...

Это будет ещё не раз,
будто снова учу урок
из набора дежурных фраз
и, конечно, опять не впрок.
А на Млечном Пути огни
мне никак не дают уснуть –
всё куда-то зовут они,
и ложится под ноги путь.

Не живу, а мучаюсь –
на душе сомнение,
по такому случаю
будет угощение:
чай заварим с мятой,
мёд достанем липовый
и судьбу проклятую
просто за борт выкинем.

Я в ночь войду,
чуть терпкую на вкус,
где ветер фонари качает рьяно,
сквозь диск луны, зелёной, как арбуз,
а выйду на картине Левитана.

Замру на миг у края тишины..
Вдохну покой, он – высшая награда.
И снова в ночь,
 где ветер,
 диск луны
да фонари..
 Мне большего не надо.

Смотрите: там ангел играет в футбол
меж небом и твердью. Ударил и – гол!
Ворота одни и один футболист,
а воздух вокруг и прозрачен и чист.

И мячик его словно огненный шар –
летающий в пространстве безмолвный пожар,
меж небом и твердью творящий тепло...
И всё бы в порядке, да только стекло

звенит и осколки срываются вниз,
а звон как хрустальная нота повис...
И кто-то сурово глядит из окна.
Мгновенье, другое – и вновь тишина.

Всё тьмою объято. Лишь звёзды горят,
они меж собой о любви говорят.
А где-то в чулане, строптив и горяч,
затих до утра непоседливый мяч.

...А когда наступит лето,
мы с тобою сядем в лодку
и, смеясь от наслажденья,
по теченью будем плыть,
и по радиоприёмнику
погоды слушать сводку,
и на полную катушку
этот летний мир любить.

Друг на друга мы наденем
из кувшинок ожерелья,
в тёплых заводях купаться
будем только нагишом...
И потом, когда устанем
от купанья и безделья,
под густой пахучей елью
мы себе построим дом.

А когда наступит старость,
мы на креслица присядем
и, кряхтя от напряженья,
будем тихо говорить.
И, надеюсь, что уж вместе
со склерозом злобным сладим,
чтобы помнить, что должны мы
этот вечный мир любить.

Однажды усну на рассвете,
закончив свой каторжный труд,
и сразу же малые дети
куда-то меня поведут.

Они будут петь и смеяться,
кричать, голосами звеня.
Пойму я: не надо бояться –
здесь вряд ли обидят меня.

Мы к озеру выйдем и просто
пойдём по прозрачной воде,
вдали вдруг откроется остров,
подобный хрустальной звезде.

А дети, звеня голосами,
исчезнут... И вот я один,
стою, замерев, пред вратами
в пространство вселенских глубин.

Я точно откуда-то знаю,
что там меня любят и ждут
и если сейчас пожелаю,
то эти врата отпрут
и впустят...

Но что-то такое
никак не даёт мне желать,
а значит, не будет покоя
и не снизойдёт благодать.

Земные дела и заботы
никак не хотят отпустить,
и воз непомерной работы
придётся тащить и тащить...

Однажды проснусь на рассвете –
в квартире привычный уют,
а там, за окном, то ли ветер,
то ль малые дети поют.

Нарисовал художник дом,
и поселились люди в нём,
купили книги, стол, кровать
и стали жить да поживать.
Варился суп, кричал малыш,
в норе точила зубымышь,
упругий дождь и звонкий гром
не задевали этот дом.
В окно струился солнца свет
и падал пятнами на плед.
Кричали птицы за окном,
и был счастливым этот дом.
Но где-то лопнула струна,
и неизвестно, чья вина,
а только холод в дом вошёл
и сел хозяином за стол.
И смех растаял, словно лёд.
И больше в доме не живёт
ни ласка рук, ни нежность слов,
да мало ль есть таких домов.
Художник свой рисунок взял:
– Не получилось, – он сказал,
вздыхнул устало, а потом
резинку взял и стёр весь дом
и всех, кто поселился в нём...

Я сотворил тебя из собственных фантазий,
а после до тебя сумел подняться сам.
Не опускай, прошу, меня с размаха наземь,
позволь мне побродить с тобой по небесам.

Я сотворил тебя из мрамора надежды,
из гипса грёз ночных, из дерева мечты,
одел тебя в любви волшебные одежды,
позволь же мне с тобой по облаку пройти.

Я научу тебя похожей быть на птицу,
раскинув руки, плыть над миром и мечтать
и сверху узнавать людей знакомых лица,
которым не дано, как нам с тобой, летать.

Я расскажу тебе преданья дней минувших,
в которых явь и сон навек переплелись.
Я покажу тебе вершины гор уснувших
и городов больших раскрашенную жизнь.

Не опускай, прошу, меня с размаха наземь,
дай полетать с тобой над этим миром всласть...
Я сотворил тебя из собственных фантазий!..
Ну как же ты смогла взять надо мною власть?

Я плыву в высоком небе
на алмазной колеснице.
Надо мной сияет солнце,
подо мной клубится мрак.
Я плыву, и колесницу
тянут радостные птицы,
а во мраке кто-то тёмный
впряг в повозку злых собак.

Наши курсы параллельны,
но пути пересекутся,
мы сойдёмся непременно,
геометрию поправ,
обнажим клинки, от звона
небеса слегка качнутся.
Прав, наверно, был Конфуций
(только б вспомнить: в чём же прав?).

В том, быть может, что победы
не бывает в этой драке.
Значит, надо ехать дальше,
не надеясь на успех.
Как и прежде, параллельно
пусть везут меня собаки,
добротой лучась и громко
лая радостно на всех.

А в огромном тёмном небе
кто-то глянет с колесницы
и махнёт рукой печально:
– Ты там, братец, не шути.
...Понесут его над миром
три большие злые птицы.
Знать, судьба у нас такая –
параллельные пути.

Через двадцать восемь дней
мы закроем двери в лето –
через двадцать восемь дней
жёлтым светом сентября
озарится всё вокруг...
Я когда представил это,
то подумал: всё, что было,
может, всё же было зря?

Потому что не смогли
удержать мы колесницу,
на которой едет лето
и куда-то нас везёт.
Очень уж хотелось нам
отдыхать и веселиться
и смотреть, как крутит в небе
пируэты самолёт.

Ароматы диких трав
нас заставили забытья,
каждый день вмещал событий,
словно это целый год.
Нам казалось: летний сон
будет бесконечно длиться,
но проходит всё –
и лето обязательно пройдёт.

Потому что не смогли
удержать мы колесницу,
на которой едет лето
и куда-то нас везёт.
Очень уж хотелось нам
отдыхать и веселиться
и смотреть, как крутит в небе
пируэты самолёт.

Через двадцать восемь дней
будет всё не так, как прежде.
Через двадцать восемь дней
ветром грусти и разлук

над землю понесёт
наши тщетные надежды,
что, быть может, мы сумеем
разорвать порочный круг.

Не сумели. Не смогли
удержать мы колесницу,
на которой едет лето
и куда-то нас везёт.
Очень уж хотелось нам
отдыхать и веселиться
и смотреть, как крутит в небе
пируэты самолёт...

Между завтра и вчера
годы ветреные мчатся.
Жизнь – весёлая игра,
если знать, когда смеяться.
Если верить в доброту
и тепло твоих ладоней,
то плевать на суету
и на тех, кто вечно стонет...

Между завтра и вчера –
чистота как избавленье.
Солнце выглянет с утра –
разве это не везенье?
Облетают лепестки...
Каждый дышит как умеет...
Обойдёмся без тоски,
если нас любовь согреет.

Между завтра и вчера,
между Сциллой и Харибдой,
сделать вид, что всё игра,
мы, наверное, могли бы.
Да, могли бы. Но зачем?
Толку в этом маловато.
У любви немало тем,
и одна из них – расплата.

Между завтра и вчера
настоящее гнездится.
Жить бы только, но... пора –
кто-то в дверь уже стучится,
предлагая выйти вон,
оплатить счета – и точка.
Сон как жизнь, а жизнь как сон.
Лишь твоя любовь – отсрочка.

Между завтра и вчера...

Я сюда никогда не вернусь
ни смеяться, ни плакать, ни петь...
Белым лебедем кружится грусть
и не может никак улететь.

А в пространстве пустынных дворов
бродит эхо, пугая собак.
Я, наверно, не слишком здоров,
если сделал всё именно так.

Просто вышел из дома и вот:
вдруг решил, что в дорогу пора.
Мне крылом помахал самолёт
и позволил пройти чёрный кот –
это добрые знаки с утра.

А потом по асфальту прошёл
тёплый дождь и позвал за собой.
Понял я – будет всё хорошо,
и не стал возвращаться домой.

И не стал сожалеть о былом,
о несбывшихся снах горевать...
Пусть отныне дорога – мой дом.
Пусть по ней мне шагать да шагать...

Пусть с погодой что-то не так:
ветер странствий трясёт провода.
Бродит эхо, пугая собак...
Я сюда не вернусь никогда.

Скажи мне, почему не смотришь ты на небо
и почему твоя печаль не высока?
Ведь что-то может быть важней добычи хлеба,
тебя должны манить куда-то облака.

Скажи мне, почему твой взгляд упёрся в землю
и согнута спина, как будто тяжёлый груз?
Ты только не молчи, любой ответ приемлю,
мне хочется понять, откуда эта грусть.

Ты только посмотри: там ангелы и птицы,
и горный их полёт как будто невесом.
И я тебя прошу: попробуй с небом слиться,
подпрыгнуть и взлететь и раствориться в нём,

а после птиц стать, весёлой и свободной,
и линии судьбы чертить по синеве,
без всякой суеты лететь куда угодно
и верить лишь себе, а не чужой молве.

Скажи мне, сможешь ты подняться над собою,
переступить черту и выйти на простор?
Ведь я-то знаю: так лишь жить на свете стоит,
а остальное всё – никчёмный разговор.

Ты только посмотри: там ангелы и птицы,
и горный их полёт как-будто невесом.
И я тебя прошу: попробуй с небом слиться,
подпрыгнуть и взлететь и раствориться в нём.

На пустынном перекрёстке,
где не может быть двух мнений,
где не сходятся надежды,
потому что кончен бал,
я стою, забытый всеми,
и дышу тоской весенней,
и не в силах надышаться –
просто за зиму устал.

Я могу пойти налево
и могу пойти направо,
а ещё, конечно, прямо –
не идти же мне назад,
но стою оцепенело,
в голове моей отравы:
там шальные бродят мысли,
ну а в них весенний яд.

О, мой бог, скажи, как долго
мне на этом перекрестке
дождаться разъяснения
всем сомнениям моим?
Может, я уже всё знаю
и пора бросать подмости?
Ну а может, остановка,
чтобы сделать новый грим?

На пустынном перекрёстке,
где не может быть двух мнений,
где не сходятся надежды,
потому что кончен бал,
я стою, забытый всеми,
и дышу тоской весенней,
и не в силах надышаться –
просто за зиму устал.

Окончен день. Давно истлел закат.
Подведены итоги всем делам.
Одни успел, другим уже не рад,
пора ложиться, судя по часам.

А, впрочем, нет, ещё один момент –
составлю план того, как завтра жить.
Устрою небольшой эксперимент,
попробую ни пункта не забыть:

смеяться над изменчивой судьбой,
не попадать в тиски житейских драм
и не давать командовать собой
ни чувствам,

ни вину,

ни дуракам.

Ого!

Коснуться вечности рукой
и дальше по делам:
конфликтовать с самим собой,
пинать вчерашний хлам,
смотреть никчёмное кино,
где каждый кадр – ложь,
и понимать, что всё равно
судьбу не проведёшь.

Она – злодейка и ханжа,
её не избежать,
и с ней на острие ножа
придётся танцевать,
и, точно зная, что сорвусь,
лицом зареюсь в прах,
я вновь зачем-то поднимусь
на вечный риск и страх.

И дальше буду колесить,
меняя города,
и воду в решете носить
у чёрта на рогах,
смеяться громко над собой,
жить на виду у всех
и снова флиртовать с судьбой
в надежде на успех.

И так всю жизнь, за годом год,
куда-то наугад,
среди волнений и забот,
с рассвета на закат,
борясь с собою и судьбой,
у времени в долгу...
Коснуться б вечности рукой
однажды на бегу.

Завершив все дела, уйду.
Промолчит вслед оркестров медь.
Будет конь идти в поводу.
Будет в небе звезда гореть.
На траве неприметный след
зарастёт через полчаса.
...Вроде шёл я, а вроде нет
по дороге на небеса.

Шёл, конечно, иначе как
и зачем в этом мире жить?
Может, видел не каждый знак
и терял временами нить,
был в разладе с самим собой,
отвлекался на чудеса...
Но всё так же я шёл домой
по дороге на небеса.

Дышит в спину мне верный конь,
завершается наш поход,
а звезда рядом – только тронь:
упадёт, словно спелый плод.
Льётся в душу нездешний свет,
посмотрел, а вокруг – краса!
...Ни о чём сожалений нет
по дороге на небеса.

Живу в предошущеньи перемен.
Какая блажь!.. Но кажется порой,
что истончилась ткань незримых стен
и новый день уже не за горой.

Не тот, который из календаря
с его обычной нервной суетой,
а тот, в котором ранняя заря
вдруг станет самой первою зарёй.

И птичий гомон в кружеве листвы
вдруг обозначит радостную весть,
что глупые романтики правы –
есть в жизни счастье, и любовь в ней есть.

И отойдёт на самый задний план
всё, что мешало и тянуло вниз...
С горячим чаем пригублю стакан
и пододвину ближе чистый лист.

Пусть всё начнется, словно в первый раз:
весёлый ветер, музыка дождей,
восторг открытий, блеск любимых глаз,
прозрачность льда и золото полей...

И долгим будет этот список мой,
в котором нет ни горя, ни измен...
Мой новый день уже не за горой.
Живу в предошущеньи перемен.

Отпусти меня, печаль,
я хочу весёлым быть,
пить с друзьями крепкий чай,
нежных девушек любить.
Наслаждаться пустотой
бытовых житейских драм
и кричать вслед «постой!..»
уходящим поездам.

Отпусти меня, печаль,
чтобы слился я с толпой.
Надоело по ночам
говорить с самим собой,
надоело тихо плыть
в край, где ничего не жаль...
Я хочу беспечным быть.
Отпусти меня, печаль.

Душа моя спала
уже который год.
Обычные дела,
привычный хоровод
давно известных тем –
порочно их число,
а время между тем
неумолимо шло.
И тикали часы,
запястье обхватив,
и в капельках росы
дробился их мотив
на множество «тик-так»,
которым нет числа...
Но что-то тут не так –
душа моя спала.
Ей снился странный сон...

К нам вчера ворвалась зима,
запыхавшаяся от бега.
Я, наверно, сойду с ума
от такого объёма снега!

Я, наверно, улягусь спать,
чтобы так пережить метели.
Буду лапу во сне сосать,
ожидая апрель с капелью.

Вам смешно, ну а мне – каюк,
не люблю это время года.
Вот рвануть бы сейчас на юг,
где в порядке всегда погода,

окунуться в морской прибой
и лежать на песке горячем,
наблюдая, как надо мной
в небе мячиком солнце скачет.

Это сон, но а в яви – снег,
Богом посланный нам как данность.
Я хочу совершить побег,
но, скорее всего, останусь.

Просто нету ни слов, ни сил.
От зимы никуда не деться,
даже если б я попросил.
И от снега не купишь средства.

Что ж, прощайте и – до весны!
Здесь теперь не живёт веселье.
Ухожу в белый свет и в сны,
а вернусь по весне. С капелью.

И наступит последняя ночь,
когда больше не в силах лежать.
Пустота меня выгонит прочь
и куда-то заставит бежать,
и молитвы шептать на бегу,
и смеяться над странной судьбой.

Жить как прежде уже не могу,
но не знаю дороги другой.

Мимо тёмных и плоских домов
в тусклом свете ночных фонарей,
мимо денег и вечных садов
вдруг, сорвавшись со всех якорей,
поплыву по зелёным морям,
чтоб сиял надо мной Южный крест,
салютуя всем встречным судам...

А когда это мне надоест,
вдруг наступит последняя ночь,
когда некуда больше спешить,
и никто не сумеет помочь,
только дождь за окном будет лить –
лить, смывая мосты и дома,
заливая леса и поля,
чтобы люди сходили с ума
от того, что придумал здесь я.

И наступит последняя ночь...

Когда прольются все дожди
и солнце выйдет из-за тучи,
вернусь домой, ты только жди,
надейся на судьбу и случай.

Пеки мне с сыром пироги
и чай заваривай зелёный,
встав утром с правильной ноги,
ты думай обо мне влюблённо.

Храни семейный наш очаг
от вражеских поползновений,
огонь в нём чтобы не зачах –
клади поболее поленьев.

А я вернусь, ты только жди,
мужчина должен возвращаться.
Порой неумные вожди
нас заставляют ошибаться,

ведут в ненужные бои,
влекут несбыточной надеждой...
Пусть нежные глаза твои
меня спасают, как и прежде,

от липкой тины забытья,
от боли разочарований...
С тобой пустая жизнь моя
себе добудет оправданий.

А я, устав от суеты,
замру коленопреклонённый,
ведь счастье – если рядом ты,
и пироги, и чай зелёный.

Когда ты ушла,
 понял я,
 что остался один.

Когда ты ушла,
 понял я,
 что настала зима.

И выживу если средь снегом укрытых равнин,
то лишь потому, что узнаю,
 как сходят с ума.

Когда ты ушла,
 онемела от боли душа.

Ни крика, ни вздоха –
 как брошенный птицами сад.

Мгновенье назад жизнь была ещё так хороша
и в ад превратилась
 всего лишь мгновенье назад.

Ещё понял я,
 что и жизнь мне уже ни к чему,
она бесполезна,
 когда в ней отсутствует свет,
а быть погружённым всегда в непроглядную тьму –
печальней и горестней участи,
 думаю, нет.

Когда ты ушла...

Давай станцуем менуэт,
ещё не знаю как.
Сквозь череду и зим и лет,
погоды кавардак,
по берегам прозрачных рек,
по медленной воде,
взметая пыль и белый снег
повсюду и везде.

И дети будут нам кричать
о чём-то громко вслед,
но на устах твоих печать,
и я смолчу в ответ,
а мир, на миг остановясь,
раскроет свой секрет, –
что всё имеет смысл и связь
и что секретов нет.

Давай станцуем менуэт,
скользя в руке рука,
и пусть он будет как привет,
пришедший сквозь века,
века завитых париков
и восковых свечей,
сквозь чад портовых кабаков
и пламенных речей.

Когда на стыке всех дорог
сойдутся тьма и свет,
тогда выйдем за порог,
станцуем менуэт!..

Был щедрым год.
Плоды пригнули ветки.
Сошёл с небес Божественный Стрелец.
И путь стрелы – традиционно меткой –
пролёт туда, где мой стоял отец.

Стоял отец и думал о суетном:
шальные цены,
вид на урожай
(стрела для всех летела незаметно),
дурные власти,
крики птичьих стай...

Стоял отец.
Луч солнечного света
скользил по серой плоскости стены.
С тоской в глазах на нет сходило лето,
и гнали мяч куда-то пацаны...

...Стрела прошла навывлет и упала.
Удачный выстрел.
Впрочем, как всегда.
А в небесах, где солнце догорало,
вдруг засияла ранняя звезда.

Коснись меня крылом, Сестра Печали,
увидишь, я не тот, что был вначале.
Поверишь, я обрёл такие дали,
которые не снились нам тогда.
Пойми, что я вырослел не только внешне
и сделал кое-что весьма успешно,
а если в чём-то не был я безгрешен,
так это не такая уж беда.

Я помнил о тебе всегда и всюду.
Ты для меня была подобна чуду.
И я не потеряю, не забуду
того, что нас держало столько лет.
В раздорах, в безвременье, в полном штиле
я помнил всё, чему нас научили,
и пусть порою нас неслабо били,
но мы познали терпкий вкус побед.

Коснись меня крылом, шальная птица.
Как безвозвратно наше время мчится,
и, может, что-то главное случится,
а может быть, прошло всё стороной.
Недолг век и коротки итоги,
небесконечны дальние дороги,
но пусть не будут наши судьи строги, –
мы всё ж учились жертвовать собой.

Коснись меня крылом, Сестра Печали,
увидишь, я не тот, что был вначале,
чтоб мы с тобой друг друга повстречали,
коснись меня крылом, коснись меня...

Я в день седьмой картину завершу,
и мир, мной сотворённый, всколыхнётся.
Я кисти и палитру отложу,
и по иным законам жизнь начнётся.

Сойдут Надежда, Вера и Любовь
с холста в юдоль тревоги и печали,
ты только им ни в чём не прекословь,
они пути большого лишь в начале.

Они пройдут весь мир из края в край,
не поддаваясь лести и обману,
увидят, что такое ад и рай,
и будут получать за раной рану...

А я – творец, смотрящий им вослед,
уже не властен больше над судьбою –
я не могу их защитить от бед
и не могу прикрыть от стрел собою.

Пуста их сотворившая рука.
Да не вложите камень в эту руку!
Дорога и трудна, и далека,
и не пресечь наставшую разлуку.

Но в день седьмой, картину завершив
и проводив кораблик от причала,
я в день восьмой скажу: «Покуда жив...»
И кисть возьму.

И всё
начну
сначала.

Алексей ВЛАСОВ

ВЕРА И СЛОВО

Алексей Валентинович ВЛАСОВ родился 17 мая 1964 года в р. ц. Тюменцево.

Выпускник Усть-Каменогорского музыкально-педагогического института (1986 г.).

С 1986 года работает преподавателем вокала, балалайки, классической гитары, аранжировщиком песен в Тюменцевской детской школе искусств, а также учителем музыки и пения в Тюменцевской средней школе.

Его ученики являются лауреатами и дипломантами региональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей.

Как композитор он известен за пределами Алтайского края.

Лауреат III и IV регионального фестиваля композиторов «Песни Иткульского лета».

Его песни «Я – солдат!», «Мой дедушка», «Не трусь, моряк!» и другие звучат в радиоэфире и в программах различных концертов.

Он участник трёх краевых семинаров молодых литераторов.

Его стихи публикуются со второй половины 80-х годов в краевой периодике, в коллективных сборниках и антологиях.

Автор трёх книг, изданных ЛПФ «Август»: двух поэтических, представленных в книжной серии «Катунь», – «Движение души» (2003 г., 64 стр., 1000 экз.), «Дыхание времени» (2005 г., 64 стр. 1000 экз.), репертуарного сборника песен «Я – солдат!» (2006 г., 80 стр., 1000 экз.) и книги стихотворений «Песни судьбы» (книжная серия «Городская библиотека», 2008 г., 80 стр., 500 экз.).

Член Союза писателей России с 2004 года.

Лауреат краевой литературной премии имени Николая Черкасова (2006 г.) и премии журнала «Барнаул» в номинации «Поэзия» (2007 г.).

Живёт в р. ц. Тюменцево.

Скажешь слово «Сибирь» или «Родина» –
Наполняется счастьем душа.
И не надо ни власти, ни ордена,
Чтобы грудью полней задыхать.

Я вхожу в эту даль, в эти рощицы,
В недоступные взору места,
Чтоб от солнца весеннего морщиться,
Чтоб частичкой великого стать.

Пробираюсь звериными тропами,
Где деревьев плотней купола,
Чтоб душа, не всегда расторопная,
Хоть чуть-чуть расторопней была.

Мне сильнее залюбилось, поверилось
В то, что где-то на месте пустом
Обязательно выращу дерево,
Сына, дочку и выстрою дом.

МОЙ ДЕДУШКА

Шепчет бабушка мне у плиты обелиска:
«Вот и дедушка твой, самый первый по списку.
Вот и дедушка твой со своими друзьями,
Поздоровайся с ним, хоть и нет его с нами...»
Он за правду погиб – он сражался с врагами.
А могли бы сказать: «Повезло его маме»,
А могли бы сказать: «Повезло его детям –
Не погиб на войне, жить остался на свете».

Он стоял бы сейчас, поправляя медали.
Он стоял бы живой, не из бронзы и стали.
Говорил бы он мне: «Пой, любимый мой внучек,
Солнце жизни твоей не закатится в тучку.
Солнце жизни твоей будет добрым и ярким!
Не закроют его самолёты и танки,
Не изранят штыки ни один его лучик,
Не остудят снега, принесённые тучей...»

Шепчет бабушка мне у плиты обелиска:
«Вот и дедушка твой, самый первый по списку...»
Вот и дедушка мой со своими друзьями.
Я здороваюсь с ним, хоть и нет его с нами...

ВЫШИВАЛА БАБУШКА

Вышивала бабушка на платке узоры –
Стаи журавлиные над зелёным бором,
В небе солнце красное, чтоб земле прогреться...
Вышивала бабушка не иглой, а сердцем.

И хранит её платок не молчание,
А её простой души посещение.
Вышивала мне платок на прощание,
Подарила мне его на прощение.

Вышивала бабушка не святые лики.
Вышивала бабушка листья земляники,
Жёлтые подсолнухи, не дворцы, не золото –
Всё, чем сердце наполнилось, чем была богата.

И хранит её платок не молчание.
Вот и жизнь моя с тех пор – обретение.
Подарила мне судьба не прощание,
А любовь земную и всепрощение.

Я – СОЛДАТ!

Нет памяти достойней на Руси,
Чем память о Победе в сорок пятом.
У нас любую бабушку спроси,
Она вам скажет: «Я – вдова солдата».
Еще расскажет, как неравный бой
Вёл муж её с фашистом-супостатом
Под Сталинградом или под Москвой,
Оставшись в вечной памяти солдатом.
Как был конверт к лицу её прижат,
А сын, что ростом меньше автомата,
Сквозь плач кричал: «Я сам теперь солдат!
Ты, мамка, отпусти меня в солдаты!..»

...С тех пор прошло уже так много лет,
Что дети той войны дедами стали.
Но снова вместо книжек и газет
Их внуков ждут посмертные медали.
Нет города такого на Руси,
Медвежьего угла, убогой веси,
Куда бы самолёт не заносил
Тяжёлый груз со страшной цифрой «200».

Салюты над могилами гремят –
Хоронят мужа, сына или брата..
Но шепчет русский мальчик: «Я – солдат!
Ты, мамка, отпусти меня в солдаты».

ПАМЯТИ ВОИНА-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА

*Михаилу Выставкину,
погибшему в Афганистане*

Непрошенный гость как совесть.
Ну что ж, проходи, налью.
В душе моей невесомость,
Но горькую подаю.
Недели свистят как пули,
Пронзая мишени лет...
А друг мой погиб в Кабуле.
А друга со мною нет.

В руках записная книжка,
А в ней о чужой стране
Стихи да рисунки Мишки,
Погибшего на войне.
Геройствовал на экране
Генсек – наш заправский дед...
А друг мой погиб в Афгане
В неполные двадцать лет.

Непрошенный гость как совесть.
Что ж, мучай меня, кори,
Вживайся в чужую повесть,
Закусывай, пей, кури,
На кухонном царствуй стуле,
Ты – праведник, спору нет...
А друг мой погиб в Кабуле
В неполные двадцать лет.

Не лопнул весь мир, не треснул,
Не сгинул, как в страшном сне!
И вновь сочиняют песни
О Родине и весне.
Усадят на нотном стане
Семь нот – и готов куплет...
А друг мой погиб в Афгане
В неполные двадцать лет.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Ну и деревня!.. То свет
Выключат на день, то воду.
Ночью разбудит сосед,
Злой на судьбу и погоду.

Ну и деревня!.. Порой
Самые близкие люди –
Те, что за правду горой, –
Вдруг засмеют и осудят.

Бросить бы всё, убежать...
Солнце то в яму, то в гору.
К телу пристала душа,
Словно царица к престолу.

Лишь бы суметь превозмочь
Вечные хлопоты наши:
Не заболела бы дочь,
Не подгорела бы каша...

Всё же мы быстро с тобой
Здесь ко всему привыкаем...
Господи, день-то какой!
Господи, ночь-то какая!..

ОСЕНЬ

Приводит дождь в движение стекло.
Расширил ветер воздуха объятья.
Тела деревьев выросли из платьев,
Пустым и куцым делая село.

Засахарилась тихо на висках
О лете память, что ветра надули.
И снова лес как опустевший улей,
И первые снежинки на руках.

ПОД ДОЖДЁМ

Валерию Тихонову

Ну вот и наступил предел однообразий –
Притихли под дождём дороги и мосты...
День оборвал себя на самой светлой фразе,
И вспльчивый июль остыл, остыл, остыл...

А было как во сне – прелестная забота! –
Пускание шаров и мыльных пузырей...
День оборвал себя на самой светлой ноте,
Оставив этот мир без окон, без дверей.

Прохожий под зонтом – как сонная тетеря –
Нисколько не спешит промокнуть и простыть...
Ах, если б мы могли!.. Ах, если б мы умели
Поведать всем вокруг, что истины просты.

День оборвал себя. Какой тяжёлый случай!
День обобрал себя, над суетой паря.
А может, этот день был просто невезучий,
Неправильный для всех и лишний для меня?..

ВИД ИЗ ОКНА

Дела отложу. Посмотрю не спеша
В безмерную даль за оградой...
Наверное, с детства привыкла душа
Продлять окончание взгляда.

Наверное, с детства привыкло плечо
Хранить ощущение друга,
А сердце подпрыгивать детским мячом
При виде зелёного луга.

Деревня. Дорога. Лес. Поле. Река...
А много ли русскому надо?
Россия! Узнаешь ли, как велика?
Потом – после первого взгляда.

НА ПРИРОДЕ

Сыну Матвею

Снова осень, но не скучно
С листопадом и дождями.
Снова осень. А на сердце
Вместо грусти – благодать.
Я ловлю в ладони лучик,
А небесными путями
Гонит уток непогода
К тёплым странам зимовать.

Сломан замок мой воздушный –
Ненадёжное творенье.
Сломан замок, а в пространстве
Нет обломков и руин.
И тепло и добродушно
Вновь спешит стихотворенье,
Словно воссоединенье
Всех различных половин.

Не сумею даже вкратце
Записать, что сердцем вижу.
Только осень, только осень
Может так влиять на нас.
И не стоит убиваться
По Москве или Парижу,
Чтоб загнать свой скорый поезд
В бесконечное сейчас.

Пусть пугает гром небесный
Необузданным весельем
Всех тоскующих по лету
И влюбившихся в июль.
Я готов легко и честно
Это чудо-воскресенье
Взять на память у природы
Как воздушный поцелуй.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ НА СВЕТЕ

Ничего не случилось на свете –
Просто лает за окнами пёс
И листвою заполняется ветер,
Пробегая по веткам берёз.

Ничего не случилось на свете,
А в душе зародился испуг,
Будто вмиг стали взрослыми дети
Или выпала ваза из рук...

Будто вспомнилось что-то о лете,
И по сердцу прошла борозда...
Ничего не случилось на свете –
Просто с неба упала звезда.

КОНЧАЮТСЯ КРАСКИ У ОСЕНИ

Н. Шипилову

Кончаются краски у осени,
Их негде купить и достать.
Земля, как жилище философа,
Загадочна, хоть и проста.
Заносит, уносит, возносит ли
Над миром тебя листопад...
Кончаются краски у осени
Под занавес новых утрат.

Зелёные, жёлтые, красные,
За городом – в мире ином –
Деревья наполнены красками,
Как будто фужеры вином.
Хрустальные звоны не слышать нам
В черте городской суеты –
Позволено только Всевышнему
С природой общаться на «ты».

Куриль иль крестом себя *осенить* –
Душа вновь подскажет сама.
Закончатся краски у осени,
И снова наступит зима.
И вспомнится, словно нечаянно,
Что живы во мне до сих пор:
Терпение – как обещание,
Молчание – как приговор.

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Он пройдёт... Берёзы, вязы, клёны
Станут чище, ярче, веселей.
Вижу – как по серому зелёным
Дождь слепой прошёлся по земле.

Только мы ему не интересны...
Что такое слово «дождь» для нас? –
Не любовь, не музыка, не песня,
А ручьи да лужи, слякоть, грязь.

Прячемся под зонтики, не слышим,
Как звучит, навеки уходя
По кустам, деревьям, окнам, крышам,
Солнечная музыка дождя.

СОН ИНВАЛИДА

Ночь дышит так, что запотели стёкла.
Как призрак месяца в форточке возник...
Спит инвалид – отрезан и отстёгнут
От мира, как от куртки воротник.
Но видит сны наивные, цветные:
Футбол гоняет и танцует вальс,
И все мечты сбываются отныне,
И жизнь как жизнь – на славу удалась!
Он не прикован к старому дивану,
И плесенью не пахнет тишина.
С ним лучший друг – вернулся из Афгана.
И не ушла к здоровому жена.
Не привели его пути-дороги
В полуподвал... Проснулся инвалид,
А пустота, что заменяет ноги,
Опять к дождю болит, болит, болит...

РАЗГОВОР НИ О ЧЁМ

Ни о чём разговор, ни о чём,
И свернулся мой кот калачом.
Он внимательно слушает нас –
Пара букв, пара слов, пара фраз...

Ни о чём разговор, ни о чём,
И не холодно, не горячо.
Возмущается время: тик-так –
Всё не так... Всё не так? Всё не так.

А за окнами падает снег
Над планетой, наверное, всей.
И как будто кончается век
Старых истин и верных друзей.

Ни о чём разговор, ни о чём,
И гитара опять ни при чём.
А когда-то, влюблённая в джаз,
Всеми струнами пела для нас.

Ни о чём разговор, ни о чём...
На бессонницу кот обречён.
Он уже не приемлет от нас
Лживых букв, лживых слов, сложных фраз.

А за окнами падает снег
Над планетой, наверное, всей.
И как будто кончается век
Старых истин и верных друзей.

ПЕСНЯ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Раннее, доброе, вешнее
Утро творец изваял.
Здравствуй, судьбы моей женщина, –
Вечная песня моя!
Снова, разбуженный совестью,
Сон твой не смею губить.
Тихо звучит в невесомости
Колокол нашей любви.

Здравствуй, моё вдохновение,
Блудного сердца причал!
Просится стихотворение
Утро с тобою встречать.
Горьких обид и смятений яд
Рифмами позолочу...
С неба скользят сновидения
По золотому лучу.

В прошлое, словно горошины,
Наши закатятся дни.
Господи, только хорошее
В сердце её сохрани!
Вновь над землёю над грешною
Солнце, как в море маяк...
Здравствуй, судьбы моей женщина, –
Вечная песня моя!

АВГУСТ

Ты улыбнись, моя любимая.
Подумаешь, начало осени.
Пылает солнце, как любви маяк,
Луну волна качает в озере.

Ещё не вышло время августа,
Ещё важны земные хлопоты...
Прошу тебя, прими, пожалуйста,
Причуды времени безропотно.

И не грусти, что обязательно
Листву подключит к электричеству
По воле главного Создателя
Её Осеннее Величество.

И ТРОНУЛСЯ ВАГОН

И тронулся вагон с названием «Жизнь»...
Попутчица моя, меня держись!
Прошу тебя, хотя б из жалости,
Побудь – не уходи, пожалуйста.

На станции потерь Бог милостив –
Законам вопреки меня простил.
Прошу тебя, хотя б из жалости,
Побудь – не выходи, пожалуйста.

А в городе разлук – зелёный свет.
Там многие сойдут искать ответ.
Прошу тебя, хотя б из жалости,
Побудь – не выходи, пожалуйста.

На станции «Любовь» стоп-кран сорву –
Бог истины живёт здесь наяву.
Молю его: «Хотя б из жалости,
Зажги для нас свечу... пожалуйста»...

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Дочке Даше

Скачет, скачет по квартире
в тишине ночной
Одинокий в целом мире
зайчик солнечный.
Мир снегами запорошен,
звёзды в валенках.
Ну откуда ты, хороший,
друг наш маленький?
Что за солнечная птица
на своих крылах
Принесла тебя резвиться
в наших зеркалах?
Почему в такую темень,
что заставило?
Или снова правит время
не по правилам?
Всех часов на свете тише
этот час ночной.
Дочка спит и сладко дышит
долгой тишиной.
Вот бы хлопала в ладошки:
«Ай да паинька!..
Не боится даже кошки
наша зайнька!..»
Скачет, скачет по квартире
в тишине ночной
Одинокий в целом мире
зайчик солнечный.
Словно маленький глазочек
сердца чистого...
Видно, снова снятся дочке
сны лучистые.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Снова я рифмы меняю на золото листьев,
Словно художник пустые бутылки на кисти,
Жизни беспечность на вечность осенних костров,
Старые книги на странные песни без слов.

Пусть это время осеннее меркнет на фоне
Майской зелёной листвы и весенних симфоний,
В тактах которых мажора бушующий шквал!..
Только я эти симфонии слушать устал.

Снова молчу – не рождается истина в споре.
Снова остаться хочу в этом светлом миноре –
Пальцы послушно по грифу гитары плывут...
Может, и не было прожитых лет и минут?

Ветер любви неустанно по осени бродит,
Будто изгнанник-пророк в недостойном народе.
Мимо пройдёт, но закружится лист золотой,
Вспомнится что-то... Куда же ты, ветер? Постой!..

РОМАНС

А. В. Перязеву

Как будто в первый раз, так тихо и безлюдно.
И вечер за окном на краски бережлив.
Как будто в первый раз, на смену серым будням
Похожие во всём, но белые пришли.

Пришли. И вот опять к пустынным переулкам,
Безлюдным площадям и берегам реки
Из тела моего уходит на прогулку
Уставшая душа законам вопреки.

Уходит, как всегда, среди зимы и лени.
Уходит, как всегда, без лишней суеты
Под музыку снегов, под музыку сомнений,
Оставив на окне прозрачные следы.

И, словно в первый раз, без веры и без Бога.
И, словно в первый раз, теряя вес и сон,
Я вспомню, почему в морщинах и ожогах
Озябшего окна стеклянное лицо.

ПЕРВОЕ НОЯБРЯ

Памяти Олега Мордовина

Художник, красок не жалея,
Не убирай холсты и кисти.
На спины выжженных полей
Ложатся раненые листья.
Пусть кто-то выронит слезу
На чёрный день унылой прозы...
А ты рисуй, рисуй, рисуй
Любовь и белые берёзы.

Художник, не жалея белил,
Добавь туманы и рассветы.
Пусть мир, который он любил,
Вновь будет радостным и светлым.
Раскрась мосты и фонари
В одно волшебное касанье...
Не мог Всевышний сотворить
Весь этот мир нам в наказанье.

Художник... Что ж ты бел как снег?
И не раскрашена картина!..
Уходит в небо наш Олег
С последней стаей журавлиной.
Пусть кто-то выронил слезу
На чёрный день, поставив точку...
А ты рисуй, рисуй, рисуй,
Рисуй... Для сына и для дочки.

ХУДОЖНИК

Из дома на работу
Народ спешит с утра,
Отбросив прочь заботы,
Сомненья и дела.
Торопится сапожник,
Который без сапог...
Но снова пьёт художник,
Рисующий как Бог.

Разбитый и далёкий
Среди своих картин.
Как парус одинокий
В плену могучих льдин.
Он всё на свете может,
Но снова одинок –
Запившийся художник,
Рисующий как Бог.

А в мире стёрлись краски,
Смешались все тона.
Как в чёрно-белой сказке
Дерева и дома.
Бесцветный льётся дождик
На грязь людских дорог
За то, что пьёт художник,
Рисующий как Бог.

В АПРЕЛЕ

Цифры, цифры, стрелки, стрелки – как всегда.
Моеет окна, как тарелки, грусть – вода.
На бульварах ни души, на проспектах нет машин,
Нет следов ни от прохожих, ни от шин.

Почернел и стал не нужен снеговик –
Он всегда такой в апреле, так привык.
Он не гордый – снег да лёд... Пусть валяется метла,
Вот раскиснет и растает от тепла.

Будет сплющено ведёрко с головы...
А ведь с нами он всю зиму был на «вы»!..
В первых лужах заблужусь,
В первых лужах простужусь
И, пожалуй, вновь на город рассержусь.

ДО СВИДАНИЯ!

Что это: шум дождя или берёзы шум?
Тихо звенит струна, в ножны опущен меч.
...Боже, как хорошо – чувствовать русский дух!
Боже, как хорошо – слышать родную речь!

Расстаёмся, мой друг... Ты запомни навек,
Что в России рождён – не в Германии.
Человек дорогой!.. Дорогой человек,
До свидания, до свидания!..

Что это: стук сердец или июльский гром?
Лишь бы не гул войны, лишь бы не час прорух.
...Боже, как хорошо – слышать родную речь!
Боже, как хорошо – чувствовать русский дух!

Расстаёмся, мой друг... Ты запомни навек,
Что в России рождён – не в Германии.
Человек дорогой!.. Дорогой человек,
До свидания! До свидания!..

ПЕСНЯ СУДЬБЫ

Я песню судьбы то чуть ниже пою, то чуть выше.
Я губы сухие сухими губами ловлю.
На окнах, на крышах рассвет твоё имя напишет,
И вновь, как и прежде, поверится мне, что люблю.

Пусть целую вечность мне память листает страницы,
Пусть целую вечность я голосом камня кричу...
Я знаю – увижу когда-нибудь синюю птицу!
И верю – когда-нибудь я вместе с ней полечу!

Пусть целую вечность желтеют листвою деревья.
И пусть говорят, будто жизнь – это сон наяву...
Я знаю – настанет когда-нибудь мой день рожденья!
И вновь, как и прежде, поверится мне, что живу!

УБРАНСТВО ЗИМЫ

Посвящаю отцу – В. М. Власову

В высоком убранстве зимы
Становится чёрное белым.
И к ветру пришиты умело
Снежинки в убранстве зимы.
Как просто: живи – не хочу
Среди проживающих прочих...
Но весело только чуть-чуть.
А грустно, как правило, очень.

В высоком убранстве зимы
Меняются взгляды и мысли.
Рисунки на окнах – как письма
От Бога в убранстве зимы.
И видится жизни полёт
Над миром снегов и пророчеств...
И слышно, как время идёт,
Как сын вырастает и дочка.

В высоком убранстве зимы
Не манят художника кисти.
И слово похоже на выстрел
В высоком убранстве зимы.
И можно разрушить весь мир
Не строчкой, так четверостишьем...
Но снова, как будто взаймы,
Надеешься, любишь и дышишь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Улетели прочь недели,
Словно птицы-соколы.
Бродят зимние метели
Рядышком да около.

Я тебе свечу оставлю,
Птица Счастья вещая.
Закрывай покрепче ставни,
Время занавешивай.

Сохранит незримый кто-то
Сны твои нехитрые,
Переложит их на ноты,
Защитит молитвою.

Вьюги белые стреножит,
Злобу их сведёт к нулю.
Пусть напрасно не тревожат
Песню колыбельную.

Николаю Аксёнову

А деды наши не поют.
Они давно своё отпели.
Отвоевались как умели,
В сырой земле нашли приют.

И всё же души их живут
На небесах, как серафимы,
И верится – лишь часа ждут
Напомнить, что необходимы.

И впрямь, когда салют гремит
И в скорбный час поминовенья,
В нас воскресает и звенит
Неповторимое их пенье...

НЕ ТРУСЬ, МОРЯК!

Как здорово морские капитаны
Морской походкой ходят по земле!
А позади моря и океаны
И служба на военном корабле.

Как здорово носить морскую форму
И слушать крики чаек над волной,
По морю плыть и не бояться шторма
И возвращаться с гордостью домой!

Я сделаю бумажный парходик
На зависть всем военным кораблям.
Он будет плыть и при любой погоде
Спротивляться бурям и штормам.

Он выстрелит из всех своих орудий,
И разбегутся в панике враги.
Известно, победителей не судят,
А вёсла сушат только слабаки.

Пусть буря проверяет нас на прочность
И ветер прочь несёт от маяка.
Не трусь, моряк, ведь я-то знаю точно,
Что буря – не беда для моряка!

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

Смотрит он на нас с телеэкрана –
Вновь живёт, а не играет роль.
Не высок, но с силой великана,
А в глазах его печаль и боль.

Знать, в душе его любовь и слёзы –
Радость, потому что за рекой
Снова заневестились берёзы,
Украшая край его родной.

Слов его простых, горячих сила
Рвётся в наши души и сердца!
Значит, с нами он, Шукшин Василий,
И не будет жизни той конца!

Русский быт – царевны да лягушки,
Дальний путь за тридевять земель,
Ярмарки, гармошки да частушки,
Тёплых слов неповторимый хмель...

Не кружите, вороны, напрасно!
И не смейте веры нас лишать.
Будет греть костёр калины красной!
Будет петь сибирская душа!

Воздушный шарик бережно держу
Над головой, как символ мироздания.
Его к руке покрепче привяжу,
Не отпущу – в нём дочкино дыханье.

Как просто петь о Родине своей,
Когда сидишь в кругу родни, друзей.
И солнца золотистая струна
Звенит стеклом весёлого окна.

Как просто верить Родине своей,
Когда из распахнувшихся дверей
Спешит к тебе, чтоб поскорей обнять,
С годами не стареющая мать.

А если понял ты и заслужил
Извечное тепло её души,
То даже в круговерти смутных дней
Тебе легко на Родине своей.

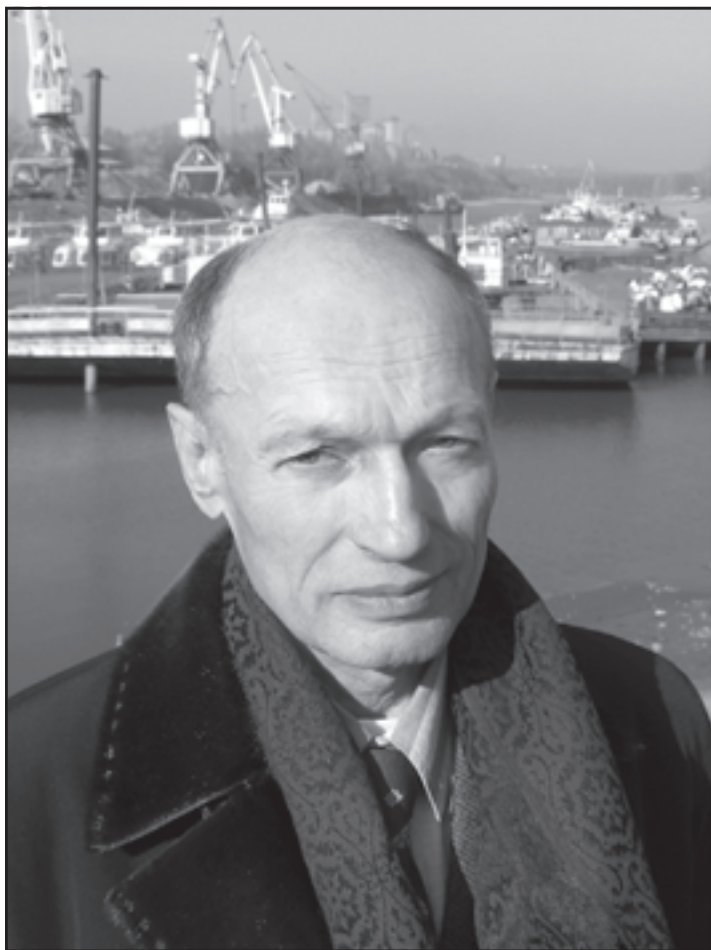
ВЕРА И СЛОВО

...А как хорошо это – верить, что будет весна.
И как хорошо это – помнить про Деда Мороза.
Тот лес навещать, где зимой зеленела сосна
И ранней весной приветно белеет берёза...

Простые слова среди слов я ищу день и ночь,
Чтоб складывать в песню, как грузди сырые в корзину.
Мне вместе с тобою мечтать и загадывать дочь,
Мне вместе с тобою мечтать и загадывать сына.

А как хорошо это – верить в родное село,
Родную страну и тепло материнского крова...
Но я понимаю теперь, что труднее всего
Не песню сложить, а сказать своё первое слово.

Владимир КОРЖОВ

**ОПУСТЕВШИЙ
ПРИЧАЛ**

Владимир Михайлович КОРЖОВ родился в Барнауле 26 декабря 1947 года. Окончив вечернюю школу, работал на заводах Барнаула.

Учился на историко-филологическом факультете Алтайского госуниверситета. С 1972 года работал в краевом Совете ОСВОДа: водолаз, завуч и директор школы ОСВОДа.

В 60-80-е годы прошлого века посещал краевые литературные объединения. В эти же годы его стихи, рассказы и статьи публиковались в краевой периодике и коллективных сборниках, изданных в Барнауле.

Он автор четырёх поэтических книг – «Фарватер», «Белый бакен», «Листая лоцманскую карту...» (ЛПФ «Август», 2001, 2002, 2006 гг.), «Ледостав» (Барнаул, 2008 г.) и трёх книг прозы «Повествование о городских окраинах» («А.Р.Т.», 2004 г.), «Городские окраины», «Жители городских окраин» («Городская библиотека», 2007 г.).

Лауреат краевых премий имени В. В. Бианки (2005 г.) и Н. М. Черкасова (2007 г.), а также специальных премий – фестиваля книги «Издано на Алтае» (краевая библиотека имени В. Я. Шишкова, 2006 г.) и «Золотая строка» (Централизованная библиотечная система г. Барнаула, 2006 г.).

Член редколлегии журнала «Барнаул».

Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

За окошком темным-темно.
Ночь рогами стучит в окно.
Страхи выползли из норы,
Как звенящие комары.
В тальниках шуршит, сам не свой,
Поднимает вой водяной,
Из-за тучи вышла луна,
Как утопленница она...

Не сверчок трещит за трубой,
А косматый дед-домовой:
«Ты не бойся, я не кусуч,
Я из печки, а не из туч.
Я из света, я из добра.
Спи, малыш! Тебе спать пора!»
Я встаю и включаю свет.
Я один. Взрослых в доме нет...

Мне всего только восемь лет.

Хожу и стихи сочиняю,
Не делаю зла никому
И жизнь словно книгу листаю,
Известную мне одному.
Но кто-то в ней вырвал страницы...
Что дальше? Что будет в конце?..
Старушка в руках держит спицы –
С вязаньем сидит на крыльце –
И смотрит задумчивым взглядом,
Как птицы спуют по ветвям...
И дети играют за садом,
И люди спешат по делам.

Я – житель городских окраин.
На пыльной улице моей
Бродячий пёс лежит как барин
И лапой трогает репей.

Протарахтит порой телега,
Промчится серый грузовик,
Гуляет гусь белее снега
По кличке нежной – Снеговик.

Спешит соседка за водою.
Притихли лодки у реки.
О чём-то громко меж собою
На лавке спорят мужики.

Послевоенная разруха:
Кто – без руки, кто – с костылём,
Стоит увечная старуха,
Поёт и плачет за углом...

А мы играем и рыбачим,
Пускаем в небо сизарей
И верим, что нас ждут удачи,
И повзрослеть спешим скорей!..

АВГУСТ

Август щёки красные
Сполоснул водой,
И росинки ясные
Падают в ладонь.

Я пойду в забоку,
Ягоды нарву.
Где-то недалёко
Крикнули: «Ау!..»

Красною смородиной
Губы мне свело.
Солнце огородами
Катится в село.

В ОКТЯБРЕ

Опустел наш причал.
Я не слышу гудения лодок.
Речники чистят баржи,
готовят к стоянке суда.
И прогнозы последних
метеосводок
В октябре обещают
дожди, снегопад, холода...
От воды тянет нудной
промозглой прохладой,
Низко стелются тучи.
Редуют кусты тальника.
И невольно обдаст мою душу
тоска и досада:
Что нас в будущем ждёт?
На вопрос мой ответ дай, река!
Обмелевшая Обь промолчит –
ничего не ответит,
Лишь накатит волна
за волной на пески...
Но не надо грустить –
дома женщина ласково встретит,
И обнимет, и скажет,
что иней осыпал виски.

ПРОЩЕНИЕ

*Мой белый конь мне снился по ночам,
Мой белый конь скакал среди лугов...
Станислав Яненко*

Жаль, не успел я оседлать коня
И проскакать по скошенному лугу...
Жаль, не простил неверную подругу
И тех друзей, что предали меня...

Жаль всех друзей, которые забыли
Кипенье наших молодых страстей,
Когда немного стали повзрослей,
А к старости ум с совестью пропили...

Жаль, не успел я оседлать коня.
Ну что ж, пройду по скошенному лугу.
Простил друзей своих. Простил подругу.
Друзья мои, простили ль вы меня?!

УЛИЦА ДЕТСТВА

Хулиганы с улицы Чехова,
Наводили мы шорох на пляж!
Поженились и поразъехались,
Позабыли весёлую блажь.
Что осталось от нашей улицы?
Семь домов и дощатый забор...
Вдоль забора идёт сутулится
Дима Логинов – старый вор.
Голубятни здесь раньше были:
Шелест крыльев, весёлый свист –
В небо синее голуби взмыли...
Мы забыли чарльстон и твист,
Мы забыли лихие драки,
И соседи забыли нас.
Лишь по-прежнему лают собаки
На луну в полуночный час.
Мы оставили память, верил я,
Говорю, душой не юля, –
Посадили вдоль улицы вербы
И высокие тополя.
Но, увы, по указу сверху
(У чиновников свой резон)
Тополя спилили и вербы...
Вместо них разбили газон.

ИСКРЕННОСТЬ

Февраль. Весна не за горами.
В снегах глубоких дремлет Русь.
Я неумелыми словами
Обидеть Родину боюсь.

Но и молчать о ней не вправе.
И пусть негромок голос мой...
Без страха предки воевали
С монгольской дикою ордой.

Прапрадед мой, смоленский пахарь,
Взяв пику в руки – и не трусь! –
Сходился в поле с грозным ляхом,
Чтоб отстоять святую Русь!

Мой дед в Сибири партизанил,
Белоказацкие полки
Громил,
и был под красным знаменем
Он похоронен у реки.

Отец уволился в запас,
Войну закончив в сорок третьем...
В ответе Родина за нас,
А мы за Родину в ответе!

ВОСПОМИНАНИЕ

Был на базаре магазин,
Где торговали только рыбой.

Там возлежал как господин
Осётр сверкающею глыбой.
Селёдка в бочках, как народ
В час пик в автобусах, теснилась.
Кета с горбушею лоснилась
Средь рыб различнейших пород.
Увы, тот магазин снесли.
Куда-то рыбу увезли.

Осталось лишь виденье детства...
С базаром жил я по соседству.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Над костром поднимается пламя,
Набегают на берег волна...
Кто сказал, кто поверил, что с нами
Больше нет на земле Шукшина?!

Мимо острова плёсом глубоким
Он проходит ночью порой,
И трепещут на створе далёком
Два огня, словно вежи, – домой!

Улетают года безвозвратно,
Льётся свет от цветущих крушин...
Возвращается рейсом обратным
В порт приписки «Василий Шукшин».

НАЧАЛО

По веткам прыгает синица.
Одеты тополя в куржак.
Снег под ногами серебрится.
Идёт мальчишка кое-как,
Снежок ногами приминая,
В шубейке чёрной меховой,
Ещё ладом не понимая
Мир белоснежный и большой,
Где ложь и правда неразлучны,
Где зло соседствует с добром...
Так, словно по речной излуине,
Идёшь по жизни день за днём
И не всегда достигнешь цели,
И тянет в сказки и в леса...
Малыш ступает еле-еле
И всюду видит чудеса!

ТАНЦПЛОЩАДКА

Детство моё патефонное.
Дрожит на пластинке игла...
Тяжёлая и огромная –
Она танцплощадкой была
Для мух, муравьёв и букашек
(Садил на пластинку я их).
В цветении белых ромашек
Звучали песни для них.
Они танцевали лихо,
Затем расползались тихо
От меня по укромным местам.
По своим насекомым делам.
...Я тоже кручусь на диске,
Но Бог убежать не даст –
За все дела и делишки
По полной программе воздаст.
В бездонную даль забросит –
Возврата оттуда нет.
Печальная бродит осень.
И всё долгожданной рассвет.

За рекою спокойно и тихо
У костра сентябрёвой порой.
В ранний утренний час облепиха
Прихорашивается росой.

Всё светлее, светлее водица.
Можно камни на дне разглядеть,
Между ними плотва серебрится...
С тополей осыпается медь.

Совмещаются небо и воды,
Открывается сущности стать.
Эти знаки осенней погоды
Мы не можем никак разгадать.

Будто лопнул стручок,
И звёзды-горошины
Озарили округу
Белой порошею,
Полетели к земле,
В мглистом небе сверкая...
Им, рождённым во мгле,
Что до нашего края –
До речушки певучей,
До зелёного бора
И до ивы плакучей,
Что грустит у забора.
Что им наша беда?
Наша боль?
Наше счастье?
Разве может звезда
Снизойти до участья?
Много в поле цветов,
Их ещё не скосили...
Много звёзд и крестов
На погостах России.

Приходит смерть,
унылая старуха,
Берёт меня за шкуру и за ухо
И тянет в неизвестность –
в никуда,
А мне никак не хочется туда.
Там глины тьма,
молчания песок...
Лишь памятник
плывёт
как перископ.

ОСТРОВ

Сергею Ключникову

Пройти корыто переката,
На остров Беленький курс взять.
И у берёзы в два обхвата
На чалку катер привязать.

Грибов на травянистых сограх
И ягоды – невпроворот...
Не ждёт на острове нас отдых –
Берёт работа в оборот.

Наш остров Беленький прекрасен!
И мы, дары его собрав,
Задержимся на сутки – ясно,
Все нормы, графики поправ.

Задержку спишем на туманы.
Стоит погода – благодать!
Не видеть мне иные страны,
Дай, Бог, вновь остров повидать.

БУЛЫГИНСКАЯ ЗАИМКА

Владимиру Свинцову

Берёзовый дух и сосновый.
Незримая с космосом связь.
Заимка ребристой подковой
У скорбной горы улеглась.

Утрами гуляют туманы.
Ночами от звёзд благовест.
Зовёт в неизвестные страны
От милых намоленных мест...

Угрюмый острог над горою
На пойму глядит свысока.
Тень кладбища с вечной тоскою.
Журчащая песнь родника...

О, Свято-Никольский источник!
Расстрельное место вдали...
Умру, а душа не захочет
Уйти от родимой земли.

Вновь наступила навигация,
И пассажирский теплоход
С какою-то особой грацией
От пристани взял малый ход.

Струится музыка отчальная
Над мутной вспененной рекой.
И провожатая с причала
Мне машет бережно рукой.

Немного грустно в этот вечер...
И медленно – издалека –
Плывут похожие на свечи
Оранжевые облака.

Валерию Тихонову

Сиянье мая, солнца и тепла.
До слёз берёт мелодия «Славянки».
Трубит трубач, исполненный осанки.
Как в детстве, даль прозрачна и светла.

Ещё не знаю, что литавры смолкнут,
Исчезнет дивный духовой оркестр.
И только хлёсткие обские волны
У берегов сшибаются окрест.

Жаль, лодку по течению уносит,
А медь оркестра – память о былом...
Любовь и счастье мы у Бога просим,
Но добываем собственным горбом.

И пассажи и посадки
На приобской стороне
Вырастают как рассада,
Как грибы на жухлом пне!

...На рассвете в злую стужу,
Когда ветер лютовал,
Подпустив огонь снаружи,
Подожгли «Империал»!

То ли быль, а то ли небыль –
Очевидец рассказал:
Старый дом пылал до неба –
К Богу руки простирал.

У Калиновки за плотиной,
У притихшей усталой реки,
Комариною ночью длинной
Налетели на свет мотыльки.

Мы с тобой у костра лежали.
Были мысли мои легки.
И ресницы твои дрожали,
Словно трепетные мотыльки...

А любовь то ль плыла, то ль тлела,
Но не гасла среди купав...
На огонь мотыльки летели
И сгорали, в костёр упав.

Жене Людмиле

Бельмесёвская протока,
Бельмесёвские луга.
Солнце движется с востока
На духмяные стога.

Август тих, и август светел..
Я люблю твои глаза.
Хлынет ливень, дунет ветер,
Прогремит вдали гроза.

Переходит лето в осень –
Предпоследние деньки..
Милая, давай попросим
Лада, счастья у реки!

Словно в треугольнике Бермудском,
От несчастий не могу уйти.
Ангел мой, своей крылатой грудью
Заслони на жизненном пути.

Бродят в голове хмельные мысли.
Облетает с яблонь белый цвет.
Не дожил до пониманья смысла:
Счастлив на земле я или нет?

Ангел, милый мой, голубоглазый,
Защити меня, коль я живой!
После смерти стану я не сразу
Ангелом в реальности иной.

РАЗЛУКА

К стеклу оконному приникну,
Привыкнув к осени сквозной,
Но я, наверно, не привыкну
К разлуке с летом и с тобой.
Всё мельче и прозрачней реки.
Всё дальше стаи журавлей.
Мне кажется, что я навеки
Прощаюсь с юностью своей.
А дождь весь день стучит по крыше –
Осенний, крупный, обложной.
А журавли всё выше, выше
Проходят дальней стороной.
Я вскрикну, словно от ушиба!..
Не возвратит назад тепла.
А всё-таки тебе спасибо –
За то, что ты во мне была.

ГРУСТЬ О ВЕСНЕ

«Сольвейг!

Ты прибежала на лыжах ко мне...»

Александр Блок

Выдержу. Осилю. Просто сдюжу.
Одолею головную боль.
В декабре на ветер и на стужу
Падает снежинок белых моль.

Надоела старая одежда,
Выброшу старье я за порог.
И надежда притаилась, прежде,
Как щенок, дремавшая у ног.

Надоел холодный шумный город.
Встал на лыжи, удалился в лес.
Верю, Сольвейг повстречаю скоро,
По лыжне скользящую с небес...

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Вновь наступает Новый год!
Всем будет весело!..

И только
Мне грустно – оттого,
что ёлка
Огнями в праздник лишь цветёт...

От января до января
Крылом весёлым снегиря
Свети нам, алая заря!

Я верю, жизнь прожил не зря –
От января до января...

Желаю добрых снегирей,
Желаю светлых декабрей,
И январей, и февралей!..

МОНОЛОГ ЧАСОВОГО

Речь Посполитая грозила...
Из Крыма пёрла татарва...
Русь поднималась –
Возводила
Дворцы, соборы, терема!..

И вновь грозят.
Мы в кои веки
Не знаем тишь и благодать!..
Поверь, Россия, в человека –
Как верит Родине солдат.
И не ослабнет наша вера.
И я по-прежнему в строю.
И пусть бесовская химера
На край толкает –
На краю
Стою на страже я за веру,
Стою за Родину свою!

Александр ПАК

**...ВОСТОК
И ЗАПАД...**

Александр ПАК родился 14 мая 1953 года в г. Ходжейли Каракалпакской АССР.

Учился в Ленинградском торговом институте им. Ф. Энгельса, тогда же посещал курсы рисования при Академии художеств им. И. Репина.

Работал бурильщиком на Сахалине, посещал там литературную студию и участвовал в двух региональных совещаниях молодых писателей.

Публиковался в региональной и центральной периодике, представлен в томе «Антология русского верлибра» (Москва, 1991 г.) и в нескольких коллективных сборниках.

Автор персональных выставок графики в городах Бишкеке, Славгороде, Новоалтайске, Новосибирске, Барнауле (выставочные залы: краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова, Алтайского государственного университета, Городского молодёжного информационного центра, Российско-немецкого Дома), участник нескольких краевых коллективных выставок: залы Алтайского отделения Союза художников России, Дома писателя, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая.

Автор шести книг стихотворений и графики, изданных в Бишкеке, Славгороде и Барнауле.

Лауреат краевой премии «Лучшая книга года» (2007 год, за книгу стихотворений и графики «Яблоко греха», ЛПФ «Август»).

Редактор-составитель нескольких поэтических коллективных сборников, изданных в г. Славгороде.

Член Союза писателей России (с 2002 года).

Живёт в г. Славгороде.

Триединство

Ты ушла.
Я обнаружил под сердцем
Пропажу ребра.

Я подслушал в тишине,
Как шептались сердце и часы.
Обо мне говорили...

Кулак –
Это заговор пальцев
Против бессилия слов.

Жизнь заминирована смертью.
Взведён часовой механизм,
И тикает сердце...

Скомканный лист бумаги.
Он знает
Силу гнева...

Как приятно
Поймать себя на мысли:
Кто-то думает о тебе.

Звоните по телефону лет
33-35-37, и вам ответят:
Христос, Моцарт, Пушкин.

Мы расстались,
И у времени вдруг
Появились стрелки.

Как бы жизнь
Ни была ядовита,
Она съедобна...

Для меня страшнее пули –
Однажды быть убитым
Пальцем, указующим на дверь...

Каждый раз умираю,
Сложив голову на плаху
Чистой совести бумаги.

Вот идёт человек,
Стреножив старость свою.
Вдруг в нём себя я узнал...

Каждый достоин смерти.
Но не всякий –
Посмертной маски...

Не я люблю
Правду.
А время...

Грустная теорема:
Жизнь дана,
И смерть доказуема.

В полдень жизни
Всё ещё верится,
Что смерти нет.

Не солги, перо!
Ты царапаешь сердце.
Я кровью пишу...

Время сгорбило
Восклицательный знак
В вопросительный.

Однажды тобою
Надкусанное яблоко
Всё доесть не могу...

Боль – это птица,
Даже осенью
Не покидающая сердце.

Ступеньки,
Ведущие к храму,
Заждались моих шагов...

Выстраивается
Одиночества длинная очередь.
Кто последний за счастьем?..

Можно подумать,
Разобьёшь часы –
И время остановится.

Начинаю привыкать,
Как годы всё чаще
Мне изменяют.

Мы расстались –
И в этом мире стало
На два одиночества больше.

И даже святая ложь –
Всё та же ложь.
Ложь не может быть святой.

Однажды утром,
Заглянув в зеркало,
Я узнаю о предательстве годов.

Не так уж и безобиден
Свет одинокой свечи,
Если гибнут мотыльки.

Хочется верить,
Что для меня горит
Твоё окно – несмятой подушкой...

Годы Иудой
Меня предают
За серебро волос.

СЧЁТНЫЕ ПАЛОЧКИ

МОНОСТИХИ

1. Время – вечный путник, не знающий привала.
2. Каждый день рождения прибавляет целый год...
3. Штиль – это сытое море.
4. Луна дирижирует сводным оркестром звёзд.
5. Смерть любит, когда её оплакивают.
6. Снова зеркальце взяла – трудный разговор...
7. Можно любить цветы и не срывая их!
8. Смерть – полное собрание сочинений годов.
9. Пружина – это колец стальных дружина.
10. Будущее – зародыш прошлого...
11. «Горько!» – и губы сладко слились в поцелуе...
12. Куда ещё левее сердца?!
13. Дни всегда возвращаются годами.
14. Из одного металла меч и орало.
15. Перед совестью своей я всегда подсудимый.
16. Я счастлив, потому что несчастен.
17. Я бессмертен, но прежде надо умереть...
18. Ношу неполный алфавит зубов.
19. Когда перестаёшь верить в Бога, Он умирает?
20. Сегодня – это завтра, но это всё – вчера...

Содержание

Борис КАПУСТИН

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

Трубачи	7
Военные журналы	8
Зима в Сибири	9
Дуэт	10
В октябре на Чарыше	12
Пора вырубать цветники	13
«Пусть не измерены пяди во лбу...»	14
Дождь в августе	15
Молитва солдата	16
В День Победы	17
Снегири	18
Госпиталь инвалидов войны	20
«Когда друзья мои – художники...»	21
«Странная выставка эта...»	22
Февральское утро	23
Водолей	24
К берегу той же реки	25
Кулундинская баллада	26
«Сколько их – покалеченных судеб...»	27
Эклога	28
Соседа сделаю героем	29
Песенка о ночном звонке	30
Разговор с душой	31
Рождество	32
Перед монголами	33
Звезда Полюнь	34
В такую-то ночь... ..	35
«Когда в город врывается стадо...»	36
Надпись на программке	37
Родина – Россия	38

Наталья НИКОЛЕНКОВА

ДАВАЙТЕ СМОТРЕТЬ ДРУГ НА ДРУГА

Прогулка	41
Ностальгическое	42
Мороз	43
Чтобы встретиться	44

Дождь	45
Осень	46
Май	47
«Блуждая по вечерним городам...»	48
Весна	49
«Я сижу на зелёной траве...»	50
«Давайте смотреть друг на друга...»	51
«Что-то сердце болеть начинает...»	52
«Здравствуй, прощай или что-то ещё...»	53
«Женщина бутылочку открывает...»	54
«Есть грустные фильмы с весёлым концом...»	55
«Вытягиваю руки вверх...»	56
«Когда слово становится салом...»	57
«Жизнь, конечно, грязная вещь...»	58
«Не заснимешь ангела на плёнку...»	59
«Я от ненужных дружб, как от больниц, устала...»	60
«Люблю тюльпаны – за то, что губы в крови...»	61
«Прощай, моя любовь, такое солнце...»	62
«Не знаю, от чего аминазин...»	63
«Если друзья не звонят, даже зная, что я – мертва...»	64
«Мне в город, где Андрон кричит: «Привет!»...»	65
«Когда полынью пахнет день...»	66

Сергей КЛЮШНИКОВ

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ...

I.

«Поговорим о странностях любви...»	69
«Кому же ты ещё нужна...»	69
«Ты во всём безусловно права...»	70
«Ещё не распустились листья...»	70
«В минуту ностальгического криза...»	71
«Я не хочу позапрошлых замет...»	71
«О чём же мы? А, право, ни о чём...»	72
«Рассвет – откровенно страшный...»	72
«В моё раскрытое окно...»	73
«Никакому сомнению в угоду...»	73
«Да, ни в чём ошибаться не хочется...»	74
«Смотрится осень портнихой...»	74
Акrostих	75
«Опять – с листа без оправданий...»	76
«Я образ твой вплетаю в образа...»	76

II.

«Хватку волчью, повадку волчью...»	77
«Полоса не полоса...»	77

«Мне каждый миг – последний...»	78
«Всей суровости – нежность в подмогу...»	78
«Хотело небо ясным быть...»	79
«С разворотом, по-волчьи, всей грудью...»	79
«Мелькнёт напротив...»	80
«У каждой боли – свой черёд...»	80
«Эти дерзкие, злые туманы...»	81
«Всей-то радости мне – распластаться на стылом снегу...»	81
«...И закипит адреналин...»	82
«В душный май ухожу с головою...»	82
«Будь что будет. Каждая потеря...»	83
«Звездопад – над моей головой...»	83

III.

«Очень многим легко признаваться...»	84
«В ладоши не забьёшь от счастья...»	84
«Неблагодарная работа!..»	85
«День погаснет – и выйдут все сроки...»	85
«Строки поверженной – не жаль...»	86
«Ещё – не умею уснуть...»	86
«Не пишется? И раньше не писалось...»	87
«Ты снова где-то вдалеке...»	87
«Отчаянье следить за мною не устанет...»	88
«Не живу – над собой издеваюсь...»	88
«Пера взволнованный размах...»	89
«Горят листы. И Бог обезголосел...»	89
«Я не знаю. И знать не хочу...»	90
«А правда без поэзии – мертва...»	90
«И вспыхнет безумством страница...»	91
«Где-то плач, где-то смех, где-то крик, где-то стон...»	91
«Хоть как – я нежность сберегу...»	92
«Непредсказуема строка...»	92
«Слова – красивые, нарядные...»	93
«Нет поэтических времён...»	93
«Подумай о высоком...»	94
«Живу, не отражаясь...»	94

Валерий ТИХОНОВ

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

«Лес по холмам – словно войско...»	97
«– Весна на пороге!..»	98
Влюблённость	99
Любовь	100

«Разденутся леса пред зеркалами глаз...»	101
Состояния пространства	102
Свидание	103
Безбилетная луна	104
Конокрад	105
«Вот и вымела осень с дороги...»	106
«Всё обещало стать собою...»	107
О кузнечике	108
Жеребёнок	109
Художнику	110
Двое	111
Возвращение	112
В ночном	113
«Откровенным быть, наверно, не смогу...»	114
«Я луга не вижу...»	115
«Сплошь под облаками – без границ...»	116
Осенняя рапсодия	117
Прогулка	118
С правобережья	119
«Дождь домам напротив драит крыши...»	120
Память	121
Санный путь	122
«Первый прохожий – нетронутость прочь!..»	123
«Когда в зарю утянет синеву...»	124
«От белого цвета круженья...»	125
Свет любви	126
«Луну и звёзды некому стеречь...»	127
«Кто и когда – неведомо – раскроет...»	128
Дорожная элегия	129
«Всё большей жертвы требуют года...»	130

Сергей ФИЛАТОВ

ПАМЯТЬ ВОДЫ...

«По тонкому свету минувшего дня...»	133
«Как глубоко и нерушимо...»	134
«На вокзале железнодорожном...»	135
«Рядов торговых линии: народу – как людей...»	136
«Как и всё – по жизни бестолковой...»	137
«У соседа запой. Я его понимаю...»	138
«Я сделал плохое деянье...»	139
«Пишу тебе письмо. И вижу – как вживую...»	140
«Снег. И пахнет бензином в маршрутке...»	141

«Скрипит под ногой половица...»	142
«Век ли долог... иль память жестока?..»	143
Вербное воскресенье	144
«Уйти, исчезнуть, раствориться...»	145
«Тихая заводь июльского лета...»	146
«Буксир упирается – тянет...»	147
«Гори, гори, моя свеча...»	148
«Друг мой, снова я остался не у дел...»	149
Подснежники	150
«Скращение времён, стечение судеб...»	151
«Хладный покой вековечного бора...»	152
«В укромном схороне Алтая...»	153
«Как всё когда-нибудь кончается...»	154
«Распутие дорог без витязя...»	155
«И время на часах. И вечность ниоткуда...»	156
«Снег валил густыми хлопьями...»	157
«Свет погрезил.. бес попутал...»	158
«И словно не ты, а другая...»	159
«Что за ночь? Точно злое застолье...»	160
«Словно время пришло собираться...»	161
«Я пришёл, как и было предсказано...»	162

Иван МОРДОВИН

СОЛНЕЧНЫЕ СТРУНЫ

Август в Зональном	165
Осенью	166
На старой пасеке	167
«Стога. Облака. Раздолье...»	168
Другу детства	169
«Во мне живёт страх...»	170
На родине	171
«Какую девушку любил...»	172
В дороге	173
В Горном Алтае	174
«Шар земной, на котором ты мог...»	175
Летун	176
Сон	177
«Луна – колодец во Вселенную...»	178
Друзьям	179
«Свою в душе мы носим песню...»	180
Рождество-2000	181
«Над оврагом осевшее небо...»	182

Белая зима	183
В старом Барнауле	184
«Эдемский сад не для меня...»	185
«Вспорхнёт ли птица...»	186
«Воздух чистый. В небе ясно. Тишина!...»	187
«Машенька-трамвайвожатая...»	188
Портрет	189
Цветы для Тани	190
«Я женщине измены не прощу...»	191
Август	192
«Чего мне в жизни не хватало?...»	193
Русь	194

Александр КАРПОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПУТИ

«Это жизни моей фрагмент...»	197
«Я в ночь войду...»	198
«Смотрите: там ангел играет в футбол...»	199
«...А когда наступит лето...»	200
«Однажды усну на рассвете...»	201
«Нарисовал художник дом...»	202
«Я сотворил тебя из собственных фантазий...»	203
«Я плыву в высоком небе...»	204
«Через двадцать восемь дней...»	205
«Между завтра и вчера...»	207
«Я сюда никогда не вернусь...»	208
«Скажи мне, почему не смотришь ты на небо...»	209
«На пустынном перекрёстке...»	210
«Окончен день. Давно истлел закат...»	211
«Коснуться вечности рукой...»	212
«Завершив все дела, уйду...»	213
«Живу в предошущеньи перемен...»	214
«Отпусти меня, печаль...»	215
«Душа моя спала...»	216
«К нам вчера ворвалась зима...»	217
«И наступит последняя ночь...»	218
«Когда прольются все дожди...»	219
«Когда ты ушла, понял я, что остался один...»	220
«Давай станцуем менуэт...»	221
«Был щедрым год...»	222
«Коснись меня крылом, Сестра Печали...»	223
«Я в день седьмой картину завершу...»	224

Алексей ВЛАСОВ

ВЕРА И СЛОВО

«Скажешь слово «Сибирь» или «Родина»...»	227
Мой дедушка	228
Вышивала бабушка	229
Я – солдат!	230
Памяти воина-интернационалиста	231
Деревенское	232
Осень	233
Под дождём	234
Вид из окна	235
На природе	236
Ничего не случилось на свете	237
Кончаются краски у осени	238
Музыка дождя	239
Сон инвалида	240
Разговор ни о чём	241
Песня для любимой	242
Август	243
И тронулся вагон	244
Солнечный зайчик	245
Осенняя песня	246
Романс	247
Первое ноября	248
Художник	249
В апреле	250
До свидания!	251
Песня судьбы	252
Убранство зимы	253
Колыбельная	254
«А деды наши не поют...»	255
Не трусь, моряк!	256
Василий Шукшин	257
«Воздушный шарик бережно держу...»	258
«Как просто петь о Родине своей...»	259
Вера и слово	260

Владимир КОРЖОВ

ОПУСТЕВШИЙ ПРИЧАЛ

Ночные страхи	263
«Хожу и стихи сочиняю...»	264
«Я – житель городских окраин...»	265

Август	266
В октябре	267
Прощение	268
Улица детства	269
Искренность	270
Воспоминание	271
Памяти Василия Шукшина	272
Начало	273
Танцплощадка	274
«За рекою спокойно и тихо...»	275
«Будто лопнул стручок...»	276
«Приходит смерть, унылая старуха...»	277
Остров	278
Памяти Геннадия Панова	279
Булыгинская заимка	280
«Вновь наступила навигация...»	281
«Сиянье мая, солнца и тепла...»	282
«И пассажи и посадки...»	283
«У Калиновки за плотиной...»	284
«Бельмесёвская протока...»	285
«Словно в треугольнике Бермудском...»	286
Разлука	287
Грусть о весне	288
Новогоднее пожелание	289
Монолог часового	290

Александр ПАК

...ВОСТОК И ЗАПАД...

Триединство	293
Счётные палочки	303

Состояния пространства

Стихотворения
авторов ЛПФ «Август» –
лауреатов краевых литературных премий

Набор, корректура – О. В. Тихонова.
Вёрстка, оформление – А. А. Карпов.

Сдано в печать – 10. 06. 2008
Формат – 84 x 108/32.
Объём – усл. печ. л.
Бумага – офсетная.
Тираж – 1000 экз.
Заказ – № .

Типография